РОВЕСНИК

10

1975

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Октябрь, 1975 год, № 10

На первой странице обложки: студентки из университета города Санта-Клара (Куба). Социалистическое государство открывает перед молодыми кубинками богатые возможности для всестороннего, активного участия в общественной и экономической жизни страны. Кубинским делегаткам на Всемирной встрече девушек в Москве есть о чем рассказать своим зарубежным подругам.
Фото Л. Шерстенникова

«СУДЬБЫ «МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» и другие материалы о различных аспектах леворадикальных молодежных течений.

ЛОНДОН. По сообщениям английской печати, 20 процентов безработных в этой стране составляет молодежь до 25 лет. Согласно официальной статистике только в Ливерпуле, этом крупнейшем промышленном районе Англии, на сегодняшний день насчитывается 50 тысяч безработных выпускников средних школ и 20 тысяч безработных дипломированных специалистов.

ВАРШАВА. В автомобильную экспедицию по странам Ближнего и Среднего Востока выехала группа студентов, преподавателей и научных работников Варшавского университета. Им предстоит преодолеть 20 тысяч километров по территории Турции, Сирии, Ирака, Ирана, Пакистана и Афганистана. Экспедиция посетит археологические объекты в Милете, Вавилоне, Персеполисе и Пальмире.

КОПЕНГАГЕН. Коммунистический союз молодежи Дании (КСМД) организовал массовую демонстрацию против поставок датским ВВС новой партии американских самолетов. Ее участники требовали сокращения весьма обременительных для маленькой Дании расходов на вооружение.

На снимке: «Эта техника дорого нам обходится!» — говорят участники демонстрации.

ВАШИНГТОН. Согласно данным бюро переписи в США неуклонно сокращается число студентов — выходцев из так называемого «среднего класса». Если в 1970 году такие учащиеся составляли 43 процента, то в 1973 году их насчитывалось лишь 36 процентов. Процент детей из семей с низкими доходами в университетах по-прежнему ничтожен.

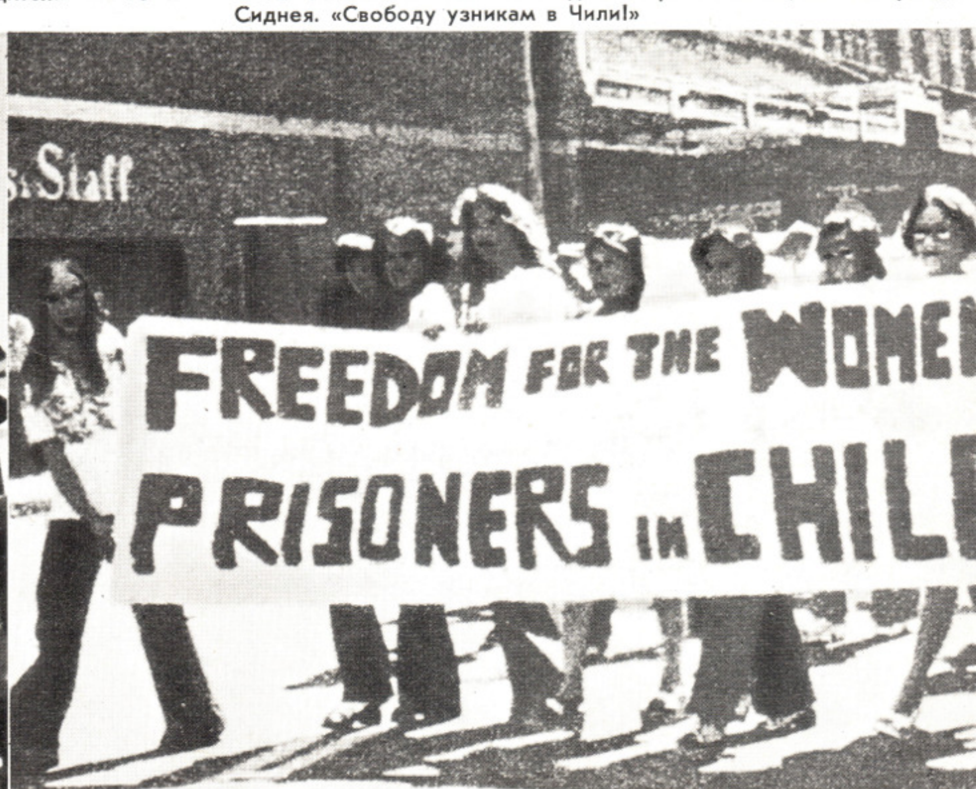
СЕУЛ. Из Сеульского народного университета были исключены 37 студентов. Это произошло после нажима со стороны правительства с целью избавиться от «смутьянов».

В начале апреля правительство закрыло фактически все крупные университеты и колледжи в Южной Корее после антиправительственных студенческих беспорядков.

СИДНЕЙ. Сотни чилийских женщин, вынужденных эмигрировать в Австралию после захвата власти в их стране военно-фашистской хунтой, вышли на демонстрацию в защиту прав политических заключенных, за освобождение из фашистских застенков Луиса Корвалана.

На снимке: чилийские демонстранты-женщины на улицах Сиднея. «Свободу узникам в Чили!»

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

БУЭНОС-АЙРЕС. Среди 158 миллионов женщин Латиноамериканского континента, по сообщению газеты «Кларин», оплачиваемую работу имеют немногим более 13 процентов, из которых две пятых служат прислугой. В несколько лучшем положении находятся женщины Аргентины, 30 процентов которых имеют работу. Трагически выглядит картина положения детей и молодежи. Ежедневно в Латинской Америке умирают две тысячи детей. До 15-летнего возраста доживает лишь каждый второй ребенок. Причина многих болезней — недоедание. В Чили от недоедания страдает половина детей и молодежи. Детская смертность в этой стране за время правления фашистского режима возросла на 18 процентов.

Даже в тех латиноамериканских странах, где введено обязательное школьное обучение, лишь половине учеников удается закончить начальную школу.

КАРАКАС. Здесь создан Комитет защиты Чилийского университета. Его председателем избран ректор Центрального университета Венесуэлы Рафаэль Хосе Нери, в состав вошли руководители Федерации университетских центров, Ассоциации служащих и Венесуэльского комитета солидарности с Чили.

В своем выступлении Нери подчеркнул, что комитет с резиденцией в столице поведет борьбу в защиту Чилийского университета, поставленного под контроль военно-фашистской хунты. Комитет будет выступать в защиту студентов, преподавателей и других чилийских патриотов, брошенных в тюрьмы; проводить кампанию за прекращение террора и за восстановление прав человека в этой стране.

РИМ. Растущую тревогу у итальянской общественности вызывает рост безработицы среди молодежи. В прошлом году из каждых 100 выпускников высших учебных заведений страны только семеро смогли найти работу по специальности. Нередко молодые итальянцы с дипломами высших и средних учебных заведений вынуждены работать швейцарами, убирать мусор на улицах и продавать билеты в кинотеатрах.

АДЕН. В Национальном театре состоялось торжественное вручение дипломов 399 окончившим курсы ликвидации неграмотности. В 1975 году эти курсы закончат 200 тысяч домохозяек и не занятых на производстве граждан НДРЙ.

ПАРИЖ. После завершения учебного года в школах и лицеях страны «резервная» армия труда во Франции значительно пополнилась за счет выпускников. Под петицией с требованиями об улучшении социальных условий жизни молодого поколения, права на труд и образование поставили свои подписи 200 тысяч молодых французов.

На снимке: члены Движения коммунистической молодежи Франции — активные сборщики подписей под петицией.

САЙГОН. Как сообщила выходящая в Сайгоне газета «Зяй фонг» («Освобождение»), Временное революционное правительство считает возобновление работы школ первоочередной задачей восстановления нормальной жизни в столице. Городское собрание учителей обсудило задачи реорганизации процесса образования и составления новых учебных программ.

Тем временем студенты-добровольцы убирают улицы, ухаживают за больными в госпиталях, распределяют рис среди бедняков и управляют движением транспорта.

АНТАНАНАРИВУ. Группа малагасийских студентов обратилась с призывом к молодежи Мадагаскара создать трудовые бригады для оказания помощи сельским коллективным объединениям. Их обращение опубликовано газетой «Мадагаскар матэн».

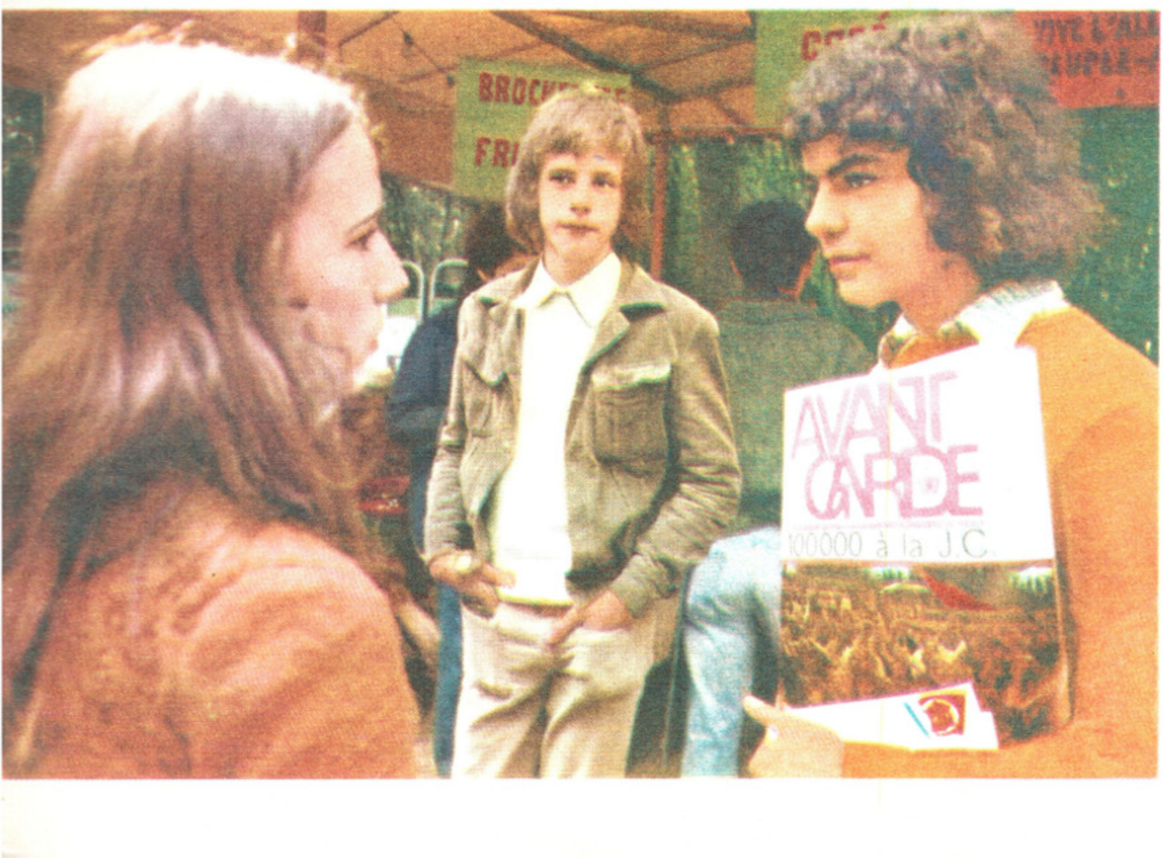
Добровольцы собираются «внести вклад в социальное преобразование деревни», провозглашенное правительством республики. Они будут вести курсы по ликвидации неграмотности, разъяснять крестьянам основы санитарии и гигиены, хозяйствования, устраивать культурные и спортивные мероприятия.

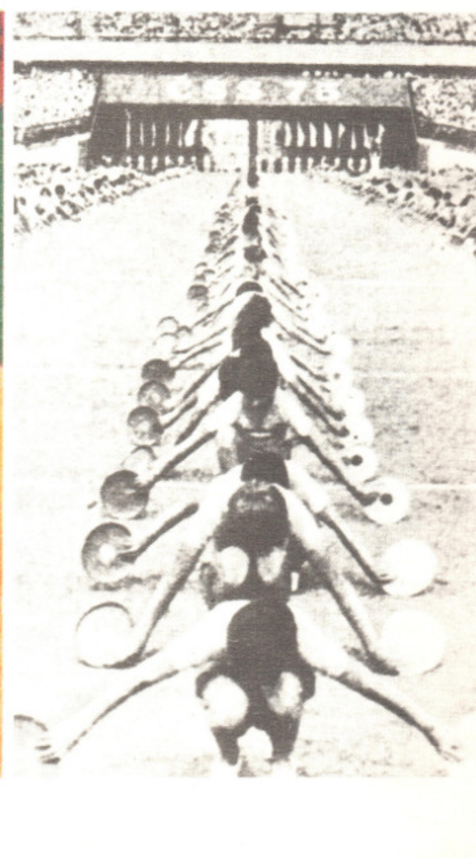
БУДАПЕШТ. В Балатональмади закончилась 3-я Консультативная встреча международных и европейских молодежных и студенческих организаций. В резолюции отмечается углубление процесса разрядки, выражается удовлетворение результатами, достигнутыми на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Достигнута договоренность о проведении в 1976 году в Варшаве массовой встречи европейской молодежи и студенчества, основным содержанием которой будут проблемы мира, безопасности и сотрудничества в Европе.

ПРАГА. Настоящим праздником миллионов стала самая массовая в истории Чехословакии «Спартакиада-1975». Под лозунгом «За мир и социализм» в спартакиаде участвовали 150 тысяч спортсменов всех возрастов. 25 тысяч чехословацких юношей и девушек участвовали в итоговых показательных выступлениях на пражском стадионе в Страхове. За год до открытия Олимпийских игр в Монреале ряды чехословацких спортсменов пополнились молодыми силами.

На снимке: участники «Спартакиады-1975» перед началом итоговых показательных выступлений.

ПОЗАДИ НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ ОТ ВЫДВИЖЕНИЯ САМОЙ ИДЕИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ К ЕГО КУЛЬМИНАЦИИ — ЗАВЕРШЕНИЮ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ... МОЩНЫЙ ИМПУЛЬС, КОТОРЫЙ ДАН ЭТОЙ ВСТРЕЧЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 35 ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ, ПРИЗВАН ПОМОЧЬ ВСЕМ В ЕВРОПЕ И ВНЕ ЕЕ ЖИТЬ В МИРЕ.

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. АНГАРОВ

1 августа 1975 года уже стало крупной исторической датой: в этот день в Хельсинки успешно завершило работу Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором приняли участие высшие политические и государственные руководители 33 европейских государств, США и Канады. Эта беспрецедентная по уровню и масштабу поставленных задач встреча — событие огромного международного значения. Она положила начало новому этапу разрядки напряженности, которая становится доминирующей чертой развития обстановки в Европе. Она явилась важным шагом на пути закрепления принципа мирного сосуществования, строительства межгосударственных отношений на основах прочного мира и налаживания равноправного сотрудничества между государствами с разным социальным строем.

Общеевропейское совещание по праву находится в центре внимания самых широких слоев общественности не только в Европе, но и во всем мире. Огромный интерес к нему объясняется прежде всего тем, что с его результатами народы связывают ожидания и надежды, которые не порождала ни одна другая коллективная акция в период, последовавший за Потсдамской конференцией, имевшей целью решить неотложные международные послевоенные проблемы.

Необходимые предпосылки для созыва общеевропейского совещания были созданы в результате происшедших в последние годы крупных сдвигов в развитии двусторонних отношений между государствами, принадлежащими к разным социальным системам, которые привели к тому, что на европейской арене стали выкристаллизовываться определенные международно-правовые нормы, призванные регулировать мирные и дружественные отношения между ними. В развитии этого процесса важную роль сыграли разработка и подписание высшими руководителями соответствующих государств таких крупных двусторонних дипломатических документов, как Принципы сотрудничества между СССР и Францией, Основы взаимоотношений между СССР и США, договоры Советского Союза, Польши, ГДР и Чехословакии с ФРГ и другие. Они имели целью укрепить и дать новый импульс тенденции к разрядке международной напряженности, стимулировать перестройку отношений между государствами на основе принципов мирного сосуществования и расчистить путь к дальнейшему развитию и углублению двусторонних связей.

Договоренность о созыве общеевропейского совещания — крупный успех политики нашей партии и государства. Это результат настойчивых и последовательных усилий по претворению в жизнь одного из кардинальных пунктов Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС.

Выдающийся вклад в осуществление внешнеполитического курса Коммунистической партии и Советского государства, в выработку и реализацию Программы мира внес Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Его целеустремленная и движимая неустанной заботой о мире на земле деятельность имела важное значение для созыва и обеспечения успеха общеевропейского совещания.

Большое значение для реализации идеи общеевропейского совещания имели совместные акции стран социалистического содружества. Вопросы, связанные с совещанием, как известно, неоднократно рассматривались на заседаниях Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора, на встречах министров иностранных дел этих стран. Продвижению идеи общеевропейского совещания в значительной мере содействовало, в частности, январское (1972 года) совещание Политического консультативного комитета, на котором была принята Декларация о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе, ставшая политической платформой стран социалистического содружества в борьбе за созыв и успех совещания.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, созванное по инициативе стран социалистического содружества, — уникальный форум. В нем приняли участие государства с разным социальным

строем, государства большие, средние и малые, государства, входящие в противостоящие военные блоки, нейтральные страны. США и Канада находились среди участников этого форума в силу целого ряда обстоятельств, сложившихся в годы второй мировой войны и послевоенного развития. Все государства участвовали в работе совещания на условиях полного равенства. Все договоренности принимались на основе консенсуса, то есть единогласия, при отсутствии возражений принципиального характера со стороны хотя бы одного из участников.

Повестка дня совещания состояла из четырех пунктов, охватывающих широкий круг проблем: вопросы, относящиеся к безопасности в Европе; сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды; сотрудничество в гуманитарных и других областях; дальнейшие шаги после совещания.

Учитывая объем и многоплановость тематики, а также своеобразие методов работы, было решено провести совещание в три этапа. Первый состоялся в начале июля 1973 года в Хельсинки на уровне министров иностранных дел. Там были утверждены подготовленные в ходе почти семимесячных предварительных консультаций, тоже состоявшихся в столице Финляндии, заключительные рекомендации, которые создали политическую основу и организационные рамки работы совещания. Министры выступили с заявлениями, в которых обосновали взгляды и позиции своих правительств по важнейшим вопросам безопасности и сотрудничества. Советский Союз, Венгрия и ГДР, Болгария и Польша, Чехословакия внесли проекты документов, которые охватывали все пункты повестки дня. Советский Союз, как известно, внес тогда проект Генеральной Декларации об основах европейской безопасности и принципах отношений между государствами в Европе, в котором нашел отражение весь комплекс вопросов, связанных с обеспечением европейской безопасности. Первый этап совещания прошел в деловой, конструктивной обстановке. Он дал хороший старт для дальнейшего поступательного движения общеевропейского форума.

Главная задача второго этапа, который проходил с сентября 1973 по июль 1975 года в Женеве на уровне специальных представителей министров иностранных дел, состояла в подготовке и согласовании проектов договоренностей по всем пунктам повестки дня, которые должны были быть представлены третьему, завершающему этапу совещания. Это был необходимый этап черновой дипломатической работы, в ходе которого велись поиски общеприемлемых положений и формулировок, составивших в своей совокупности Заключительный акт совещания.

Теперь остался позади нелегкий путь от выдвижения самой идеи общеевропейского совещания до его кульминации — проведения третьего, завершающего этапа совещания на высшем уровне.

Успех совещания стал возможным потому, что его участники постоянно делали шаги навстречу друг другу, сумели, преодолевая зачастую немалые трудности, выработать общеприемлемые договоренности по каждому из обсуждавшихся вопросов. Тот факт, что эти договоренности достигнуты не в результате навязывания взглядов одних участников совещания другим, а на основе учета мнений и интересов всех и при общем согласии, придает им особый характер и укрепляет их морально-политическую силу.

«Если здесь есть компромиссы, — указывал в своем выступлении на совещании в Хельсинки товарищ Л. И. Брежнев, — то это компромиссы обоснованные, такие, которые идут на пользу миру, не стирая различий в идеологии и общественных системах. Точнее говоря, это выражение общей политической воли государств-участников в том виде, в каком это сегодня достижимо в условиях существования государств с различным социальным строем».

Общеевропейское совещание коллективно подвело необходимый политический итог второй мировой войны, подтвердило бесплодность и вредность политики с позиции силы и «холодной войны»; открыло новые возможности для решения центральной задачи нашего времени — упрочения мира и безопасности народов.

Успешное завершение совещания — это результат большой напряженной работы, это победа разума, выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Договоренности, достигнутые в результате совещания, отвечают тем принципам мирного сосуществования и международного сотрудничества, мира и свободы народов, которые были выработаны В. И. Лениным и которые Советское государство отстаивает на протяжении всего своего исторического пути. Эти договоренности по широкому кругу актуальных проблем — проблем мира, безопасности, сотрудничества в разнообразных областях — нашли свое воплощение в Заключительном акте.

Сердцевиной этого итогового документа, подписанного в Хельсинки, является Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Эта декларация — своеобразный кодекс поведения государств, предусматривающий конкретное применение в настоящем и будущем принципов мирного сосуществования государств с разным общественным строем тридцатью тремя европейскими странами, США и Канадой.

Провозглашенные в Заключительном акте принципы суверенного равенства государств, включая их право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности государств, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву призваны подвести солидную базу под отношения между государствами-участниками, способствовать созданию на континенте атмосферы взаимного доверия, уверенности в свободном, независимом, мирном развитии каждой страны, исключить агрессию и любые виды насилия из европейской жизни.

Особенно важное значение с точки зрения обеспечения будущего мирного развития в Европе имеет принятие совещанием принципа нерушимости границ. Значение этого основополагающего принципа межгосударственных отношений, который является краеугольным камнем закладываемого ныне фундамента системы европейской безопасности, трудно переоценить. Как показывает опыт истории, мир на нашем континенте может быть обеспечен только в том случае, если никто не будет посягать на границы других государств, если никто не будет предъявлять друг другу никаких территориальных претензий и если будет строго уважаться территориальная целостность каждого государства и будут исключены действия, направленные на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника. Совершенно очевидно, что без общего признания и строгого уважения существующих в Европе территориальных и политических реальностей нельзя добиться устойчивого оздоровления обстановки на Европейском континенте.

Выдвижение на передний план принципа нерушимости границ, естественно, не означает какого-либо умаления значения других принципов для дела мира, безопасности и развития взаимовыгодного сотрудничества. Перестройка отношений между государствами требует уважения и строгого соблюдения также и других принципов, среди которых весьма важное место занимают принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Это и вполне понятно, ибо государства с разным общественно-политическим строем могут жить в мире и плодотворно сотрудничать между собой лишь при том непременном условии, что ни одно из них не будет посягать на суверенные права другого, не будет вмешиваться во внутренние дела другого. Любое поползновение на вмешательство во внутренние дела, будь то прямое или косвенное, привело бы к нарушению связей и сотрудничества между государствами, к росту недоверия, а в конечном счете — к новому витку напряженности в международных отношениях. Поэтому-то в Заключительном акте и придается столь большое значение принципам, призванным оградить государства от вмешательства в их внутренние дела. В принципе суверенного равенства прямо сказано, что государства-участники будут «уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила». Это положение, разработка и согласование которого потребовали много времени и больших усилий, имеет исключительно большое значение для будущего развития сотрудничества в различных областях между государствами — участниками совещания.

О важности суверенного права народа каждого государства решать свои внутренние дела ярко и убедительно говорил на общеевропейском совещании товарищ Л. И. Брежнев.

«Из опыта работы совещания, — подчеркивал Леонид Ильич, — вытекают важные выводы и на будущее. Главный из них, и он выражен в итоговом документе: никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать свои внутренние дела. Народ каждого государства, и только он, имеет суверенное право решать свои внутренние дела, устанавливать свои внутренние законы. Иной подход — это зыбкая и опасная почва для дела международного сотрудничества».

В рамках первого пункта повестки дня участники совещания достигли ряда важных договоренностей, дополняющих разрядку политическую разрядкой военной. Эти договоренности представляют собой качественно новую ступень в развитии обстановки в Европе в направлении укрепления мира и безопасности. Они зафиксированы в Документе по мерам укрепления доверия и некоторым аспектам безопасности и разоружения. Согласованные ме-

ры, направленные на уменьшение опасности вооруженных конфликтов, предусматривают, в частности, предварительное уведомление о крупных военных учениях, проводимых государствами-участниками в обусловленных районах, а также обмен наблюдателями на военных учениях. Взаимные предупреждения государствами друг друга о таких учениях и обмен наблюдателями будут иметь важнейшее значение для дальнейшего существенного укрепления мира и безопасности. Ничего подобного ранее в практике международных отношений не было. Это стало возможным только теперь, в результате достижения определенного уровня разрядки напряженности на нашем континенте.

Советский Союз, равно как и другие страны социалистического содружества, выступал и выступает за то, чтобы разрядка политическая дополнялась разрядкой военной. Об этом неоднократно говорил в своих речах товарищ Л. И. Брежнев, и это с предельной ясностью вытекает из соответствующих документов Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

«Советский Союз, — подчеркивал в своем выступлении на совещании товарищ Л. И. Брежнев, — последовательный сторонник того, чтобы после совещания военная разрядка получила дальнейшее развитие. Одна из первоочередных задач в этом плане — найти пути к сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе без ущерба для безопасности кого бы то ни было. Напротив — с пользой для всех».

Если решения совещания по первому пункту повестки дня призваны определить принципиальные основы европейской безопасности и тем самым способствовать закреплению и углублению разрядки напряженности, то наполнение разрядки материальным содержанием нашло свое выражение в договоренностях по второму и третьему пунктам, в которых устанавливаются основные направления и конкретные формы сотрудничества между государствами-участниками в экономической и гуманитарной областях.

Что касается экономического направления, то в соответствующих разделах Заключительного акта впервые выдвинута и конкретизирована идея крупномасштабного общеевропейского сотрудничества на долговременной основе. В них выражена готовность государств-участников использовать свой экономический потенциал для осуществления крупномасштабных проектов в области энергетических и сырьевых ресурсов, обмена электроэнергией, мирного использования атомной энергии, развития дорожных сетей, создания единой судоходной системы в Европе и других областях. Впервые выработаны в общеевропейском масштабе основы сотрудничества по такой крупной проблеме, как защита окружающей среды. Определены пути содействия развитию торгово-экономических связей, промышленного и научно-технического сотрудничества.

Итоги совещания открывают также новые возможности для дальнейшего расширения и активизации всестороннего сотрудничества государств-участников в гуманитарных вопросах. В Заключительном акте предусматривается развитие обменов в области культуры, образования, информации, контактов между людьми, учреждениями и организациями.

Согласование вопросов, относящихся к сотрудничеству в гуманитарных областях, было сопряжено с большими трудностями. Дело долго не двигалось вперед, пока некоторые капиталистические государства пытались использовать переговоры не в интересах достижения договоренностей, а для всякого рода идеологических диверсий.

Подход социалистических стран к этим вопросам с самого начала был конструктивным, реалистическим. Он основывался на том, что в условиях разрядки напряженности расширение сотрудничества между государствами и народами по широкому кругу гуманитарных проблем является делом вполне естественным, разумеется, при строгом уважении законов и обычаев каждого государства, его суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела.

Потребовалось много времени и усилий, чтобы ввести переговоры по этим вопросам в деловое русло, начать серьезную работу по согласованию позиций. Пришлось основательно потрудиться, чтобы отсеять все надуманное и не соответствующее интересам развития сотрудничества на Европейском континенте. А как известно, западными странами было внесено в Женеве множество явно надуманных и даже провокационных предложений на этот счет.

Важную роль для преодоления тупика в переговорах по гуманитарным вопросам сыграло достижение принципиальной договоренности об основах сотрудничества в этих областях, суть которой сводилась к тому, что сотрудничество в сфере культуры, образования, информации, контактов должно осуществляться при строгом соблюдении принципов отношений между государствами, прежде всего, разумеется, принципа невмешательства во внутренние дела и принципа суверенного равенства, предусматривающего, в частности, право государств устанавливать свои законы и административные правила.

Когда оказалось возможным договориться о принципиальных основах такого сотрудничества между государствами с разным социальным строем, был расчищен путь к согласованию конкретных вопросов, относящихся к третьему пункту повестки дня, в том числе таких, как распространение информации, контакты на индивидуальной и коллективной основе, воссоединение семей и так далее. Были согласованы, в частности, пути и средства более широкого и полного взаимного ознакомления народов государств-участников с достижениями друг друга в различных областях духовной и материальной культуры. Определены пути расширения контактов на индивидуальной и коллективной основе между людьми, учреждениями и организациями, пути налаживания более широких обменов информацией в интересах мира и дружбы между народами, пути содействия распространению устной информации посредством поощрения лекционных поездок видных деятелей и специалистов, а также проведения обмена мнениями в разных формах — «круглого стола», семинаров, симпозиумов, конгрессов и других двусторонних и многосторонних встреч.

Достигнутые на совещании договоренности предусматривают также расширение обменов и контактов между трудящейся, проходящей профессиональную подготовку или учащейся молодежью, развитие молодежного туризма, спортивных связей, обмена студентами, поощрение проведения международных молодежных семинаров, курсов профессионального обучения и курсов по изучению иностранных языков. Все это, несомненно, будет способствовать осознанию молодежью важности развития взаимопонимания, укрепления дружественных отношений и доверия между народами.

Развертывание сотрудничества между государствами с разным социальным строем в гуманитарных областях, естественно, отнюдь не означает какого бы то ни было затушевывания, а тем более стирания различий в их идеологии и общественных системах. Наоборот, исторически обоснованная и закономерная идеологическая борьба двух противоположных систем будет развиваться и дальше, приобретая все новые и новые формы.

Нельзя в этой связи не отметить, что ряд западных стран предприняли на общеевропейском совещании безуспешные попытки провести в Заключительный акт формулировки, нацеленные на затушевывание идеологической борьбы между социализмом и капитализмом. Да и сейчас кое-кто на Западе вновь пытается говорить об «идеологической терпимости», утверждая, что-де развитие мирного сотрудничества между государствами — участниками совещания несовместимо с идеологической борьбой. Социалистические страны решительно отвергают такой несостоятельный подход к вопросам идеологического характера.

В упорной борьбе Советский Союз и другие страны социалистического содружества сумели добиться того, что идея, нашедшая выражение в общеевропейском совещании, будет жить и дальше. В Заключительном акте выражается решимость государств-участников продолжить многосторонний процесс, начатый совещанием, в интересах упрочения безопасности и расширения сотрудничества в Европе, в интересах развития процесса разрядки в будущем. В этой связи государства-участники договорились, в частности, провести в 1977 году в Белграде первую встречу на уровне представителей, которые будут назначены министрами иностранных дел.

«Человечеству, — заявил товарищ Л. И. Брежнев, — присуще стремление к преемственности в начинаниях и делах. Это относится и к тому великому делу, которое предпринимается сейчас 35 государствами, представленными в Хельсинки. Это нашло свое выражение в том, что намечены дальнейшие шаги после первого Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе для осуществления и развития его задач».

Как указывается в документе Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, претворение в жизнь провозглашенных принципов и договоренностей потребует от Советского Союза и всех миролюбивых стран новых серьезных усилий, преодоления трудностей и препятствий, создаваемых силами, противостоящими делу мира и разрядки.

МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА БЫЛА ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ НАРОДОВ, ВМЕСТЕ СТРОЯЩИХ И ЗАЩИЩАЮЩИХ НОВОЕ ОБЩЕСТВО, ВЗАИМНО ОБОГАЩАЮЩИХ ДРУГ ДРУГА ОПЫТОМ И ЗНАНИЯМИ, — СЕМЬЕЙ СПЛОЧЕННОЙ И КРЕПКОЙ, В КОТОРОЙ ЛЮДИ ЗЕМЛИ ВИДЕЛИ БЫ ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА СВОБОДНЫХ НАРОДОВ.

Л. И. Брежнев. Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии

«Дуэль» на токарных станках

Гюнтер ЮНГГЕБАУЭР,
Уве ШТАЙНБЕРГ

Широка и разнообразна деятельность братских молодежных союзов стран социализма. Жизнь ставит перед ними все более ответственные и увлекательные задачи, связанные с укреплением мировой социалистической системы, участием в социалистической экономической интеграции, в осуществлении Комплексной программы СЭВ. А это, как отмечалось на XVII съезде ВЛКСМ, требует внимательного взаимного изучения накопленного опыта работы, дальнейшего развития форм связей между братскими союзами молодежи — проведения региональных встреч, двусторонних и многосторонних семинаров, конференций. Состоявшийся в мае этого года III фестиваль дружбы молодежи ГДР и СССР стал ярким событием в жизни Ленинского комсомола и Союза свободной немецкой молодежи. В рамках этого форума состоялось 450 различных мероприятий — теоретические семинары, диспуты, художественная и спортивная программы, соревнования по профессиям, рассказ об одном из которых мы здесь публикуем.

Одного зовут Станислав, второго — Дитмар. Они познакомились бы и без нашей помощи. Мы же остановили на них свой выбор заранее — еще во время предварительных «разминок» десяти токарей, участников фестивального состязания «Лучший в своей профессии», — надеясь, что в победители выйдет один из них. Об успехе, разумеется, мечтал каждый, даже если вслух дипломатично подчеркивал, что «все равно победит дружба».

Наиболее спокойным и хладнокровным нам показался 18-летний Дитмар Шефер, самый молодой участник соревнования, работающий пока всего-навсего учеником токаря на металлургическом заводе в Артерне: он не рассчитывал опередить своих соперников — опытных специалистов — и взойти на помост победителя. Хотя и у него были шансы: занял же он первое место, например, на конкурсе «Молодые мастера завтрашнего дня» во время работы Выставки дости-

жений молодых новаторов производства ГДР в 1974 году и на соревновании за звание лучшей бригады в том же году.

Соперником Дитмара по «дуэли» мы избрали (само собой, условно, исходя из наших журналистских интересов) специалиста из Донецка, 28-летнего Станислава Бурду. На пиджаке украинского комсомольца пять высоких наград, в их числе золотой знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», полученный Станиславом за выполнение личного пятилетнего плана в два с половиной года. «Награды сейчас ни при чем, — улыбается он. — Они уже история. А соревнование — это вам не обычный рабочий день. Это коечто другое».

Во время дружеской вечеринки они знакомятся поближе, рассказывают друг другу о своей жизни, толкуют о своей профессии, о делах комсомола и Союза свободной немецкой молодежи.

На следующее утро начинается соревнование. Теоретическое задание: разработать тот или иной технологический процесс со всеми требуемыми подробностями. Нам предлагают покинуть помещение: соревнующимся нужна тишина. Спустя два часа конкурс перемещается к токарным станкам: каждому участнику предстоит изготовить две детали по чертежам. Самое трудное — пригонка и внутренняя нарезка.

Мы стоим возле станков под номерами 3 и 6. Итак: Бурда — Шефер, на работу дается 108 — максимум 120 минут. После теоретического этапа соревнования комсомолец с Украины имеет перевес в 10 баллов, как сообщили нам «по секрету» в жюри. Перед тем как звучит сигнал к началу, Дитмар предупреждает нас: «Сделайте одолжение, когда я запущу станок, не отвлекайте меня. А то во время прошлых соревнований рядом с моим станком прошел трактор ДТ-64, так я чуть деталь не запорол».

Станки начинают работать. Все, кроме одного, за которым стоит Станислав. Неполадка. Станислав сигнализирует об этом и, расстроенный, опускается на стул. Вынужденная пауза. Тем временем Дитмар прилаживает первую заготовку. Он работает спокойно и быстро. Все получается. Теперь нарезка — готово! Но контрольный болт не входит... Придется резать наново. Но болт все равно не ввинчивается! А если снять еще десятую долю миллиметра? Может, тогда все сойдется? Юноша снова сверяется с чертежом. Он уже нервничает, что-то бормочет сквозь зубы — в чем же загвоздка?

А на станке под номером 3 Станислав тоже заканчивает нарезку — все получилось! Он работает собранно, он уже имеет выигрыш во времени. Теперь задача — увеличить разрыв, набрать побольше баллов. Если повезет, удастся сделать деталь одним проходом резца. Все решает тысячная доля миллиметра. Но неудача. Станислав теряет 20 баллов, чертовски жаль!

Дитмар упустил много времени. Но вот ошибка обнаружена. Оказывается, резец искривлен, и поэтому нарезка идет не как надо. А баллы потеряны. Пожаловаться? Нет, надо было самому сразу хорошенько проверить. Новый резец вставлен, во второй детали появляется резьба. Дитмар торопится, наверстывает время.

Несмотря на неполадку со станком в самом начале, Станислав уже заканчивает досрочно свою норму. Это приносит ему 20 дополнительных баллов. Но их недостаточно, чтобы перекрыть упущенное. Да и вторая пригонка была не идеальной. Он задумчиво очищает станок от стружки. 260 баллов вывели его на четвертое место в соревновании. Пятое место — за Дитмаром: 250 баллов.

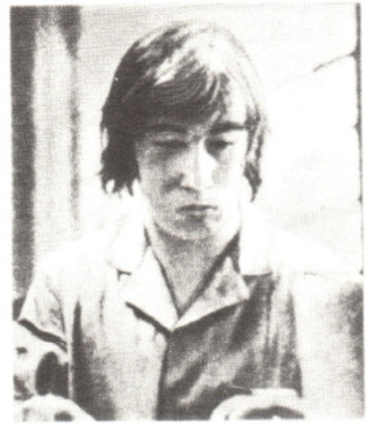
Они улыбаются друг другу. Напряжение позади. Но оба не вполне довольны собой: у победителя как-никак 298 баллов...

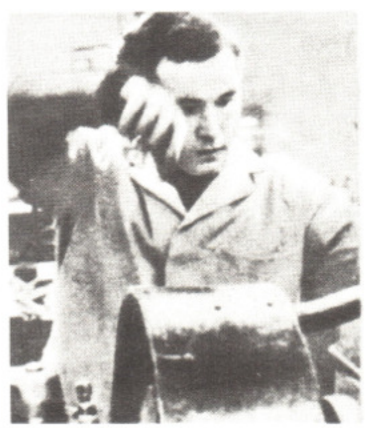
Уже в конце церемонии награждения вызывают Дитмара Шефера. Как самый молодой участник, он получает особый приз и — досрочно — свидетельство о квалификации. Ну вот, и один из выбранной нами пары тоже призер! Станислав поздравляет его одним из первых.

...Небо над Галле ярко-голубое. Комсомолец хлопает по плечу Дитмара: «Молодчина!» Что за день, что за чудный фестиваль!

«НБИ». БЕРЛИН

Они сдружились в Галле — соперники по состязанию «Лучший в своей профессии» и партнеры по общему большому делу — ударному труду: комсомолец из Донецка токарь Станислав Бурда (слева) и его коллега из Артерна, член ССНМ Дитмар Шефер.

СУДЬБЫ „МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

Е. АМБАРЦУМОВ

Семь лет отделяют нас от апогея «молодежной революции» — бурных выступлений 1968 года. Тогда центр беззаботного и мирного Парижа неожиданно покрылся баррикадами, сотни тысяч молодых, а вместе с ними и не очень молодых французов изо дня в день демонстрировали, требуя коренных преобразований и отставки правительства. Тогда в Чикаго и Майами-Бич, где собрались съезды двух ведущих политических партий США, молодые радикалы — так называемые «новые левые» — гневно протестовали против вьетнамской войны, против расовой дискриминации, против официальной лжи и лицемерия. Тогда же в этих западных странах и еще в десятках других происходили кровавые схватки молодежи с полицией и войсками, больницы заполнялись ранеными, горели подожженные автомашины, а на первых полосах газет публиковались фотографии убитых юношей и девушек. Тогда, семь лет назад, политические деятели, ученые-обществоведы, журналисты говорили в один голос о кризисе Запада, о том, что «молодежная революция» поставила буржуазное общество на край пропасти.

Но прошли годы, давно уже не слышно о молодежных бунтах былой силы и размаха, а общественный строй во Франции, США, Западной Германии и в других ведущих капиталистических странах остался прежним. Неужели «молодежная революция» оказалась всего лишь случайным эпизодом? Неужели правы идеологические охранители устоев буржуазного Запада, счи-

тающие, что молодежь образумилась и что потрясения 1968 года не оставили никаких следов? Публикуемые в этом номере «Ровесника» наблюдения над молодежью разных капиталистических стран помогают дать ответ на этот вопрос.

Для начала стоит задуматься над связью новейших процессов и явлений, происшедших и происходящих в мире в целом, и на Западе в особенности, с молодежным движением. Поражением империализма закончилась многолетняя кровопролитная война в Юго-Восточной Азии. И если решающей причиной такого поворота событий были самоотверженная борьба народов Индокитая, отстаивавших свою независимость и свободу, всесторонняя поддержка их правого дела Советским Союзом и другими социалистическими странами, то немаловажную роль сыграло и молодежное движение в самих Соединенных Штатах, которое оказалось первой массовой силой в стране, активно выступившей против политики своего правительства. Поддержка борющегося Вьетнама стала лозунгом бунтующей молодежи во Франции, Италии, Западной Германии, Швеции, да практически во всех странах Запада. А это побуждало правительства этих стран занимать все более критическую позицию в отношении США, оказавшихся на пороге изоляции.

Западная молодежь добилась и другого, не менее важного сдвига — сдвига в общественном сознании «человека с улицы». Ведь до 1968 года средний американец решительно поддерживал интервенцию своего правительства в Юго-Восточной Азии, а средний француз, хотя и ворчал на своего президента, не видел оснований для каких-нибудь серьезных перестроек. После молодежных выступлений все это изменилось коренным образом: масса рядовых американцев превратилась из сторонников вьетнамской авантюры в ее противников; а большинство рядовых французов отказало в поддержке казавшемуся ранее незыблемым президенту де Голлю. Правительства буржуазных, консервативных партий вынуждены были уступить место социал-демократам в Западной Германии и в Англии, их долголетняя монополия на власть оказалась подточенной и может со дня на день рухнуть в Италии и Японии.

Мало этого, «человек с улицы» осознал свои права и возможности, понял, что он может эффективно выступать за оздоровление нравов, против коррупции и слежки, представлявшихся ранее и неизбежными и неистребимыми. А ведь поначалу морализаторские устремления бунтующей молодежи вызывали у мещан насмешки — мол, ничего вы не добьетесь! Но прошли годы, и уже широкая общественность потребовала от политических деятелей личной честности и порядочности — давно позабытых качеств.

Именно молодежь, искренняя, честная, мыслящая, спорящая, взяла на вооружение и популяризовала тревожные выводы социальных критиков буржуазного общества, привлекла внимание к примелькавшимся его язвам: катастрофическому положению угнетенных меньшинств — пенсионеров и инвалидов, иммигрантов и негров, отравлению естественной среды, окостенению и вырождению школы. В конечном счете благодаря ей, молодежи, правящие круги предприняли в последние годы в этих областях более или менее существенные реформы.

Чуткие к переменам в общественном климате, в настроениях своих потребителей печать, телевидение, радио и другие средства массовой информации стали более критичными, менее конформистскими.

Бунтующая молодежь сделала еще одно, быть может, самое важное дело. Она разоблачила все — не только прямые, но особенно косвенные — формы подчинения и подавления личности капиталистическим обществом. Она показала, что этот гнет осуществляется не только тогда, когда полицейские разгоняют или расстреливают забастовщиков, но и когда рядовой потребитель покупает навязанный исподволь ему товар, когда трудящийся включается в столь же захватывающую, сколь и бессмысленную погоню за вещами или за карьерой. Она сорвала тогу объективности и нейтральности с буржуазной науки, академической на словах, апологетической на деле, развенчала солиднейших и известнейших обществоведов Запада, считавших классовый мир — вечным, революцию — нереальной, разделение на привилегированных и серую массу — неизбежным. Своим живейшим интересом к Марксу и Ленину она подтвердила и приумножила актуальность их учения. Пусть буржуазная идеология не перестала от этого существовать, — ее престиж, сила ее воздействия оказались серьезно поколебленными.

Пытаясь представить молодежное движение не только опасным, но и бессмысленным, буржуазная социология и публицистика избрала своим любимым коньком так называемый бунт против отцов. Прием до крайности избитый: к выступлению против родительской власти сводят молодежный протест едва ли не все консервативные, откровенно буржуазные исследователи. Появились даже фантастические романы о будущей, на этот раз победоносной «молодежной революции», главари которой отдают приказ уничтожать людей старше тридцати лет.

Но сами-то молодые и «новые левые» в том числе решительно отвергают версию восстания против родителей. Более того, социологические исследования подтвердили, что большинство молодежных активистов, происходящих, как правило, из леволиберальной интеллигенции, сохранило неплохие отношения с родителями и разделяет их идеи. Подчеркнем: идеи, но не поведение. Последнее решительно отвергается. Ибо отцы, по мнению бунтующей молодежи, предали собственные идеалы — добра, свободы, равенства, справедливости, пошли на компромисс, более того — на службу к презираемому ими самими буржуазному обществу. Так они потеряли право критики своих детей, тем более право навязывать им собственное поведение. Вот откуда идут шумные лозунги, подобно взвившемуся в мае 1968 года в Париже: «Долой отцов! Долой Запад!»

Бунтующая молодежь развеяла созданный буржуазной социологией и журналистикой образ «молодого человека 60-х годов» — инфантильного, бездумного, охочего только до вещей и удовольствий. Не то чтобы таких молодых людей не было, но оказалось, что «молчащее поколение» (так один самоуверенный западногерманский социолог озаглавил свою книгу о молодежи) может быстро превратиться в бунтующее. Буржуазные социологи считали и считают — а многие факты как будто подтверждают это, — что «система координат» молодого человека формируется в ранней юности. 1968-й и последующие годы показали, что она может серьезно перестраиваться. Западные специалисты по молодежи не смогли предсказать взрыва, в частности, потому, что социологические опросы свидетельствовали о пассивности и нейтрализме большинства молодежи и о радикализме незначительного меньшинства активистов. Однако оказалось, что активность, с одной стороны, события — с другой, могут вывести массы из потребительского гипноза.

Сильным и особенно слабым сторонам молодежного движения посвящает свой очерк, опубликованный в этом номере «Ровесника», итальянский журналист Энцо Рава. Сказанное им вызывает всего лишь одну оговорку: расколотость, атомизированность протестующей молодежи, ее разобщенность на группы и группки, враждующие между собой, не противоречат, однако, единодушию большинства молодежи в неприятии окружающего буржуазного мира. В этом она едина независимо от социального происхождения, и дети буржуа могут иной раз оказаться не только более яростными — ярость склонна быстро проходить, — но и более последовательными революционерами (такими сто лет назад оказались сын крупного адвоката Карл Маркс и сын богатого фабриканта Фридрих Энгельс). В таких случаях революционность выходца из буржуазии приводит его в ряды враждебного буржуазии класса, хотя, конечно, бывает и иначе, когда молодежная революционная лихорадка оказывается быстро проходящей корью, переболев которой блудный сын возвращается в семейное лоно буржуазного общества. Единство молодежного движения проявляется и в том, что в последние годы менее, чем прежде, ощущаются социальные перегородки между учащейся, рабочей, армейской молодежью. Это происходит и потому, что жизнь часто меняет их местами, и потому, что сами они все больше ощущают общность своего настоящего и будущего, и потому, что их сближают совместные манифестации да и общие места досуга.

И все-таки нельзя не признать, что молодежное движение как таковое сейчас схлынуло. Связано это прежде всего с тем, что оказались достигнутыми и как бы исчерпанными непосредственные цели, которые ставило перед собой это движение. Когда Вьетнам, Камбоджа, Лаос обрели свободу, когда оказались в какой-то, пусть и незначительной степени удовлетворенными требования студентов о реформе высшей школы, возникло ощущение ненужности лозунгов, которые играли прямо-таки мобилизующую роль. А общий призыв «Долой капитализм!» оказался чересчур широким и явно неосуществимым с ходу. Такой исход молодежного движения проясняет главную его слабость — направленность не столько против общественного строя, сколько против наиболее отталкивающих его проявлений, не столько вглубь, сколько поверху.

В отливе волны молодежного бунтарства, отхода от него определенной части рекрутов играют свою роль и следующие два обстоятельства. Во-первых, охвативший капиталистический мир экономический кризис с такими его последствиями, как рост безработицы, инфляция, свертывание социального обеспечения, действует на пыл молодых бунтовщиков как холодный душ. Прежде юноша или девушка знали, что без особого труда могут подработать себе на жизнь и даже на удовольствия, иное дело сейчас, когда на каждое рабочее место претендуют десятки конкурентов. Во-вторых, осуществив некоторые реформы, призванные модернизировать структуру управления и подчинения, приспособить ее к изменившейся обстановке, правящие круги Запада ужесточили репрессивные меры против непокорной молодежи. Так, в США в 40 из 50 штатов страны на сессиях законодательных собраний 1969—1970 годов были приняты строгие законы против экстремизма в университетских кампусах. Поэтому теперь у юного «протестанта» гораздо больше шансов, чем прежде, потерять работу или место в университете и меньше шансов — их найти.

И все же, если отлив молодежного движения и произошел, нельзя сказать, что молодежь внезапно присмирела. Бурная река движения скорее ушла вглубь, разбившись на несколько потоков, однако потенциальная сила их, пожалуй, не ослабла.

Правда, один из потоков иссяк в поглотивших его пластах буржуазного общества. Речь идет о той — местами довольно значительной — части бунтовавшей недавно молодежи, что вернулась к «благам» потребительского общества, к буржуазной кормушке, согласившись взамен на функции винтиков буржуазной же государственной машины. Это к таким непомерно быстро взрослеющим молодым людям применима осторожная и самоуверенная, по существу мещанская, мудрость: «Кто в двадцать лет не бунтует, у того нет сердца; кто в сорок лет продолжает бунтовать, у того нет головы». В конце концов, в любой революции радикальную гору окружало, как во французском Конвенте 1783 года, зыбкое болото, которое то приветствовало крайних, то осуждало их; но революции от этого не прекращались. Пусть даже эти «маменькины сынки», о которых пишет Энцо Рава (кстати, по-итальянски это звучит как «bigli di papa», «папенькины наследники»), чинно занимают уготованные им места за столами административных советов», на смену им придут другие блудные дети, которых уже не заманишь к родительскому столу жирным тельцом. «Папенькиных наследников» не надо, конечно, смешивать с рядовой работающей и учащейся молодежью. Пусть жизнь заставила часть ее утихомириться и повзрослеть — надо учиться, надо зарабатывать на хлеб; нынешнее молодое поколение семь лет назад было в детском возрасте, и если сейчас оно внешне спокойно,

то это еще не значит, что у него не будет своего 68-го года. Пока это еще не поток, а спокойное озеро, но кто знает, что произойдет, когда вновь будет прорвана плотина.

А вот другой поток — стремительный и вполне реальный. Это уход от буржуазного общества в религию и мистику, о чем пишет американец Кен Келли, в коммуны, о которых рассказывает журналистка из ФРГ Эльземари Малетцке, в лагеря хиппи и других молодежных групп, повернувшихся спиной к обществу. Не следует, однако, смешивать религиозно-мистические устремления этой части молодежи с официальной, институционализированной церковью, являющейся одной из опор буржуазного общества. Молодежь отвергает последнюю самым решительным образом, склоняясь к прежде столь редким для Запада восточным религиям не только из-за их эпатирующей необычности во внешнем ритуале, но и потому, что конечная цель этих религий — например, индуистская нирвана, погружение в себя — полярна ценностям религий, традиционных для Запада. Во взлете популярности «Миссии Божественного Света» и подобных диковинных сект проявляется кризис господствовавшей в США, да и на Западе в целом, протестантской этики, лежащей на таких трех китах, как труд, бережливость, покорность старшим. Той самой протестантской этики, которую классик буржуазной социологии Макс Вебер объявил воплощением духа капитализма. Поэтому свои религиозно-мистические увлечения молодежь рассматривает как вызов официальной церкви. И не только церкви, а буржуазному обществу в целом.

Ведь новые верования молодежи — свидетельство ее неверия в освященные традицией устои. «Прежде мыслящие молодые люди, — пишет одна из старейших американских социологов, Маргарет Мид, — задавали себе вопрос: чему я посвящу свою жизнь? Теперь они спрашивают: есть ли что-нибудь, чему можно посвятить свою жизнь?» И отвечают, добавим мы: если есть, то, во всяком случае, не внутри нашего общества.

Этот поток молодежи отвергает вместе с общественным строем все его порождения и особенно научно-техническую революцию. Ибо она воспринимается как пресс, давящий на человеческую личность, на ее свободу, на естественные движения ее души. Преподаватель Калифорнийского университета Теодор Роззак, в прошлом один из идеологов бунтовавшей американской молодежи, а ныне глашатай ухода в восточный мистицизм, неизменно видит корень зла в «диктатуре экспертов» — специалистов эпохи НТР, поработивших, по его мнению, человечество. Их претенциозная, а на деле пустопорожняя болтовня, их нарочито усложненный язык, которым они маскируют тривиальную жажду власти, побуждают Роззака уподобить их шаманам, которые, как он считает, у первобытных племен несравненно лучше, потому что последние естественны и непосредственны (хотя в действительности, наверное, «хуже» и те, и другие). В своей последней книге Роззак рассматривает «религиозное возрождение, свидетелями которого мы являемся, — возрождение, затрагивающее главным образом отколовшуюся молодежь, но не только ее, — ...как в высшей степени значительное знамение времени», как «точку, с которой можем увидеть наконец, где кончается пустыня и где начинается культура человеческой целостности и самоосуществления».

Но о каком «конце пустыни» может идти речь, когда мистические увлечения молодых людей Запада как раз и уводят их в экзотические пустыни восточных религий, подальше от острых социальных и политических схваток, в которых решается будущее их стран. Это в конечном счете куда как привлекательно для предержащих властей — ведь они избавляются от горючего, подрывного материала.

Здесь надо сказать еще и о том, что современный капитализм, отличающийся поразительной маневренностью и приспособляемостью, весьма успешно превращает в источник своей наживы ту самую молодежь, которая, ненавидя и презирая общество, пытается уйти от него. Возникшие когда-то атрибуты хиппи — сандалии, бумажные кофты и майки с портретами любимых революционеров, джинсы в цветочках, даже заплаты на них — стали предметом массового производства и сбыта. Точно так же втягивает капитализм в свою орбиту и экзотические восточные религии — иные ловкие их адепты чувствуют себя лучше в «кадиллаках», чем в рубище. В итоге хиппи и другие изгои, пытаясь выбраться из сетей «общества потребления», запутываются в них все больше.

Тупиковой формой молодежной, да и вообще оппозиционной культуры (или, как ее называет Роззак, «контркультуры») оказываются и коммуны. Нередко все эти формы сплетаются воедино: в иных коммунах курят наркотики и практикуют дзен-буддизм. «Хозяйство Раймонда», о котором рассказывает западногерманская журналистка Эльземари Малетцке, не уникально, такие коммуны насчитываются на Западе тысячами, но еще больше их уже распалось. Естественный конец всех утопических начинаний.

Уход от цивилизации вспять не только бесперспективен — он нереален. Прежде всего потому, что подавляющее большинство населения на Западе, а тем более в развивающихся странах, страдает не от избытка, а от недостатка потребления и хочет повысить свой жизненный уровень, а отнюдь не возвращаться к природе.

Но было бы ограниченным высокомерием видеть в молодежном уходе только обреченность, только тупик. Он остается показателем кризиса буржуазной цивилизации, буржуазного общества. Нежелание связывать себя с оказавшимися фальшивыми ценностями этого общества охватило не только низы, но и верхи. Уже и не перечислить имена тех миллионеров, дети которых ушли в хиппи или даже к левакам-террористам.

И уход, и другие потоки молодежного движения — бунт и борьба — имеют еще одно историческое оправдание: выработку новой морали. Это мораль протеста против подавления личности, мораль помощи слабому, дружбы, любви — словом, мораль естественных чувств. Вот почему протестующая молодежь навлекла на себя, между прочим, обвинения в сексуальной распущенности; последняя противопоставляется буржуазному ханжеству и лицемерию, одной крайности — другая. Важнее, однако, что молодежное движение действительно внесло в западное общество столь непривычные для него взаимопомощь, самоотдачу, любовь без кавычек. Американские социологические обследования последних лет показывают, что большинство бывших активистов молодежного движения участвуют в программах помощи беднякам, сохраняя незыблемыми свои революционные убеждения. О том же, по существу, пишут на материале Англии Н. Багналл и Э. Кокс. Та же новая, светлая мораль удерживает в разваливающейся коммуне крестьянку Марианну, как это ни удивляет интервьюирующую ее журналистку.

Конечно, эта морализаторская, хотя и высокоморальная деятельность утопична, покуда остается неизменным общественный строй. Однако припомним из отечественной истории, сколь большую силу придавал героям-народовольцам тот же максималистский дух революционной чистоты, взаимной выручки, братства и любви, который находил выражение не только в самопожертвовании ради друга, но и в пресловутом гражданском браке, клеймимом мещанами как «разврат».

О молодежном левом экстремизме читатели знают немало; пополнит их сведения интересный и, главное, объективный очерк В. Лапского о группе Баадера — Майнхоф. Читателям бросятся в глаза революционная убежденность левых террористов, их глубокая уверенность в том, что они делают благое дело, и полное несоответствие результатов провозглашаемым целям. Создается впечатление профанации, издевательства над словами «революция», «Красная Армия» и т. п., которые они написали на своих знаменах. Ибо для нашей революции террор был вынужденным, крайним, исключительным средством, от которого В. И. Ленин и его партия отказались сразу же после гражданской войны. А для сегодняшних ультралевых террористов цель оправдывает любые средства, в результате чего средство превращается в самоцель. Отсюда уже ничего не стоит перейти к убийствам единомышленников, кажущихся предателями, вроде Ингеборг Барц, точно так же, как сто лет назад террорист-народник Нечаев убил студента Иванова. Такая идеология, такие поступки вызывают отвращение у подлинных левых и компрометируют бунтующую молодежь в глазах общественности — как сто лет назад убийство Иванова дало козырь в руки охранительным идеологам, породило такой злобный, но вместе с тем и яркий контрреволюционный, антимолодежный памфлет, как роман Достоевского «Бесы».

Убийства ни в чем не повинных людей, грабежи, избиения, чинимые левыми экстремистами, разрушают грань, отделяющую крайне левых от крайне правых — фашистов. Несмотря на всю искренность леваков, в сознании общественности они неизбежно отождествляются с теми, кого они ненавидят больше всех. С другой стороны, и фашистам не чужда левацкая демагогия: ведь Муссолини начал свою деятельность крайне левым социалистом, а Гитлер назвал свою фашистскую партию национал-социалистской рабочей партией. Крайности сходятся — что и требовалось доказать охранительным идеологам.

Совершая как бы незаметную подстановку, тоже — подтасовку, эти идеологи объявляют: поскольку ультралевые тождественны ультраправым, следовательно, левые — правым, следовательно, коммунисты — фашистам. Вот какую непосредственную выгоду — компрометацию коммунистов — старается извлечь буржуазная верхушка из ультралевого терроризма.

Без особого, впрочем, успеха. Ибо исторический опыт многих, в том числе и последних, лет научил среднего человека Запада различать безответственность ультралевых и глубоко научную обоснованность подлинно левых — коммунистов и их союзников, воплощающих силу, целеустремленность и чувство ответственности рабочего класса. Научил он этому и молодежь. Вот свидетельство одного из наиболее внимательных ее исследователей, американского социолога Кеннета Кенистона: «Участники движения постепенно начинают понимать, что, следуя за своими наиболее непреклонными фракциями, они вступят на путь, в конце которого догматизм и смерть».

Главный поток молодежного движения в капиталистических странах, бывших ранее ареной студенческих бунтов, влился сейчас в русло общедемократического движения, отчего он, между прочим, и перестал бросаться в глаза. Не случайно известный американский консервативный социолог С. Липсет, отмечая поворот «новых левых» в сторону марксизма, признает, что молодежное движение стало «более ответственным» и «менее авантюрным».

Молодые повзрослели, но, как правило, отнюдь не в сторону буржуазности. Взрыв 1968 года прошел, но революционный дух остался. И, кто знает, может быть, за БУНТУЮЩИМ поколением 60-х годов последует СОЗНАТЕЛЬНОЕ поколение 70-х.

„ВНЕПАРЛАМЕНТСКИЕ ЛЕВЫЕ": ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ И КОМУ СЛУЖАТ

Энцо РАВА,
итальянский публицист, —
для «Ровесника»

Два полюса в молодежном движении Италии: мощная демонстрация молодых рабочих против фашизма (снимок вверху) и кучка «бунтарей» из экстремистской «бригады» (внизу).

„В перестрелке с карабинерами в одном из сельских районов Пьемонта сегодня утром была убита молодая женщина, участница внепарламентской левой группы», — звучит из моего телевизора.

Дело происходит как раз накануне областных муниципальных выборов — важной политической кампании, в которой, по общему мнению, левые партии смогут значительно продвинуться вперед. Нечего и говорить, что в таких обстоятельствах перестрелка между «силами поддержания порядка» и «левыми подрывными элементами» — событие, какого буржуазные политики могут только желать; как у нас говорят, — все равно что сыр на макароны.

Возбужденно, с придыханием, как принято говорить о сенсационных фактах, телевизионный репортер продолжает свой рассказ — что-то среднее между полицейской хроникой и корреспонденцией с театра военных действий:

«У карабинеров зародилось подозрение, что похитители богатого виноторговца, крупнейшего экспортера шампанского, об исчезновении которого сообщалось накануне, прячутся в одном из отдельно стоящих домов близ селения Акуа-Терме. Патруль карабинеров приближался как раз к одному из таких заброшенных строений, когда внезапно ударили автоматные очереди и раздались взрывы ручных гранат... Продолжительная перестрелка... Попытка прорваться сквозь окружение... Молодая женщина скошена пулеметной очередью... Остальным удалось скрыться... Поиски ведутся с помощью собак-ищеек и вертолетов... По всей вероятности, убитая была женой самого главнокомандующего «Красных бригад» — наводящей ужас военной организации внепарламентских левых групп...»

В том, что «Красные бригады» стараются наводить страх, сомневаться не приходится. В том, что речь идет о внепарламентской организации, также трудно усомниться: у нее нет в национальной ассамблее ни депутатов, ни сенаторов. Ну а что касается эпитета «левые», то он должен был бы проистекать сам собой из другого определения: «красные». «Красные бригады», красного цвета знамя рабочего движения, рабочих партий — коммунистов, социалистов: следовательно, «бригады», несомненно, принадлежат левым группам. Пусть это внепарламентские, то есть как бы очень уж крайние, этакие эксцентрические, но все же они — левые. «Иначе, — рассуждают мастера подобных силлогизмов, — почему бы им именовать себя красными, а не, скажем, желтыми или зеленоватыми?»

Несколькими днями раньше (но тоже после начала избирательной кампании) предметом сенсации были НАП — «Нуклеи пролетарии армати» («Вооруженные пролетарские ячейки»). «Группа наповцев, — читаем мы в одной из газет, — совершила вчера попытку взорвать с помощью динамитного заряда больницу для умалишенных в городе Аверса. НАП считают сумасшедшие дома типичным репрессивным учреждением системы. Один из участников покушения в силу очевидной неопытности взлетел на воздух вместе со своей адской машиной. Другим удалось скрыться бегством... Идут облавы... Поиски не прекращаются...» и т. д.

Здесь в отличие от предыдущего случая ассоциация вызывается не цветом (красным), а прилагательным «пролетарские»: пролетарский — значит коммунистический, значит принадлежащий компартии и т. д. Следовательно, должен заключить читатель или телезритель (причем речь идет необязательно о людях необразованных, но

на стр. 14 ▶

смотрите!

ВЕЧЕР

Окидывая взглядом вечернюю землю из кабины самолета, Антуан де Сент-Экзюпери писал в своем предвоенном очерке: «В чернильной тьме внизу зыбко, как звезды, мерцали в долине человеческие огоньки. Каждая звездочка означала, что там, внизу, кто-то читал, работал, любил или поверял другу душу. Разбросанные там и сям, горели в долине эти огоньки, и каждый требовал себе пищи, даже те, что еле-еле теплились. И огонек учителя, и поэта, и плотника. Но сколько между живых звезд закрытых окон, загасших звезд, сколько огоньков, переставших светить, потому что там не поддерживали больше огня...»

Самолет Сент-Экзюпери летел над Аргентиной. Снимок, помещенный внизу справа, сделан в той же стране 38 лет спустя, но у людей, которые готовятся отойти ко сну, нет ни своего очага, ни стен, ни окон... Холодным светом горят огни многомиллионного Чикаго: полицейский патруль выехал по вызову — произошло убийство, первое за этот вечер... В людном кафе пытается забыть свое одиночество парижанка... А на фото вверху — Венеция. Идут двое. В этот вечер они счастливы...

108 PCT
POLICE

со стр. 11 ▼

всегда — простоватых), эти НАП должны же быть как-нибудь связаны с коммунистами. Разумеется, ни радио, ни телевидение, ни газеты не берутся объяснить, с чего бы это коммунистам или их сторонникам взрывать сумасшедшие дома (вот уж подлинно затея для умалишенных). Но политические спекулянты умеют хитро жонглировать словами: «Мы лишь констатируем, что они сами называют себя «пролетарскими». А раз так, то они все же левые. Иначе почему бы им не называть себя «буржуазными», или «аристократическими», или «рабовладельческими», не так ли?»

По правде говоря, все эти рассуждения по поводу вывесок и этикеток немного напоминают средневековые споры о том, какого пола ангелы: мужского или женского. Есть, к примеру, некая внепарламентская организация, именующая себя «Рабочий авангард» (где прилагательное «рабочий» должно наводить на мысль о ее левом направлении). Есть и организация, которая называется «Национальный авангард» («национальный» — излюбленный эпитет как традиционного национализма, так и современного неофашизма; речь, стало быть, идет о правой организации). Но значит ли это, что только в силу присутствия в обоих названиях одного и того же слова — «авангард» — можно установить родство этих двух экстремистских группировок?..

Вообще говоря, «программы» или идеологические «платформы» у подобных групп имеются далеко не всегда. Но когда они есть, они также используются для того, чтобы убедить уже знакомого нам (простоватого) телезрителя в том, что перед ним «левые». Например, «поразить буржуазное государство в самое сердце» звучит весьма революционно, не правда ли? «Разрушить капиталистическую систему» — еще хлестче, так? Ну а уж лозунг «экспроприировать экспроприаторов» имеет за собой такую историю, окружен таким ореолом, что тут и вовсе комментарии излишни! Конечно, должен был бы заметить наш телезритель (если бы имел привычку самостоятельно размышлять), довольно странно, что эти люди начинают революцию с ограбления банков или похищения промышленников ради получения выкупа от их родственников. Впрочем, разве сами они в своих программах не заявляют открыто, более того, вызывающе, что они «левые»?..

Укреплять такое произвольное толкование помогает обилие оттенков, дробность различий, неуловимость внутренних размежеваний внепарламентских групп. Если провести мысленный реестр этих групп, начав с течений, выражающих свой экстремизм чисто словесно, то постепенно и незаметно переходишь ко все более радикальным объединениям, пока не сталкиваешься с такими, которые уже не просто вне левого лагеря, а решительно против него. Если поначалу это группки, грешащие словесным «революционаризмом», левацкой демагогией и политическим инфантилизмом, то чем дальше, тем больше нарастают настроения радикализма, экстремизма, нападки на ИКП «слева» и т. д., а завершают этот парад вооруженные банды, нередко из уголовников и других отбросов общества.

Поэтому валить в одну кучу под вывеской «внепарламентских левых» все организации, нацепляющие на себя левоэкстремистскую кокарду или берущие на вооружение «левую» фразеологию, — это чистый произвол и жульничество. Как мы увидим в дальнейшем, организации эти нельзя рассматривать даже как побеги от одного ствола. Как можно ставить на одну полку студентов, скандирующих на демонстрациях максималистские, незрело детские лозунги, и террористов, профессионально обращающихся с взрывчаткой? Недопустимо смешивать пронизанную юношеской запальчивостью полемику со стратегией левого лагеря и зоологическую ненависть к левым партиям в рядах тех групп, где ренегаты вперемешку с платными провокаторами действуют под продуманным руководством фашистских заговорщиков.

Возьмем типичного парнишку, участвующего в уличных манифестациях «внепарламентской левой». Мы говорим «парнишку», потому что, немного повзрослев и достигнув возраста, позволяющего принять участие в выборах (18 лет), он, как правило, голосует за коммунистов или социалистов, то есть, опуская бюллетень, признает утопическим, незрелым, поспешным, поверхностным — одним словом, ошибочным — свой предыдущий опыт. Обычно это студент или лицеист, порой выходец из люмпен-пролетариата, редко рабочий. Дело в том, что молодой рабочий, как бы ни клокотало у него внутри, «включен» в определенную производственную структуру, в заводскую среду, окружен товарищами по классу не только на работе, но и дома, в пределах своего двора, квартала, района и т. д. Одним словом, он часть прочной общественной ткани, которая немедленно приходит ему на помощь, облегчая понимание сложностей, противоречий и требований окружающей действительности.

Студент же или лицеист чаще всего принадлежит к «среднему слою». Зачастую это выходцы из крестьянских семей, лишь недавно перебравшихся в город. Но отнюдь не редкость студенты — участники «внепарламентских левых» групп, вышедшие из семей средней и крупной буржуазии. В прошлые годы социологи и психоаналитики вволю поупражнялись на диагностировании левого экстремизма как общественного проявления сугубо частных, внутрисемейных противоречий, конфликтов между поколениями. Левый экстремизм, по такого рода теориям, есть не что иное, как «бунт против отца». И впрямь довольно часты случаи, когда приход юношей и девушек из буржуазной среды в ряды левых экстремистов сопровождается разрывом с собственной семьей. Становясь членом студенческой общины, впитывая ее коллективистские идеалы товарищества, солидарности, социальной справедливости, молодой человек поневоле начинает обнаруживать противоречащие этим идеалам черты — карьеризм, жадность, продажность, эгоизм — уже в собственных родителях, начинает спорить и бороться с ними. И вот раздраженный спор между сыном и отцом по каким-нибудь частным вопросам разрастается со стороны сына в своего рода «социальную» полемику против «системы отцов» — таким выглядит в его глазах существующий общественный строй. Во всем этом, конечно, бездна идеологической путаницы, но мы как раз и ведем разговор о психологических истоках идеологической путаницы.

Неприятие «системы» юношами и девушками из «средних слоев» также зачастую вырастает из семейно-домашних мотивов. Сладкозвучные сирены рекламы разжигают в них потребительские страсти, желание обладать все большим количеством «вещей». И чем больше разгораются эти инстинкты, тем скорей они наталкиваются на ограниченные материальные возможности родителей. Сын мелкого чиновника не может позволить себе купить мотоцикл с объемом цилиндров в 1000 «кубиков» или запросто «прошвырнуться» на пару недель в модный горнолыжный курорт. Вынужденный отказ зачастую отравляет его душу ядом разочарования, озлобленности, которые могут перерасти в чувство презрения к отцу: вот, мол, так и не сумел заставить себя ценить... Злоба и негодование распространяются далее на все общество, которое отказывает молодому человеку в удовлетворении потребностей, порожденных и обостренных самим этим обществом.

Аналогична, порою даже более взрывчата, реакция юноши из люмпен-пролетарских низов. Жизнь отказывает ему не только в желанном, но и в элементарно необходимом. И в то же время он не понимает, в силу каких причин и механизмов так происходит, и не чувствует вокруг себя производственной, заводской, классовой среды, которая бы воспитала его и научила видеть реальные возможности в корне изменить существующее положение.

Таким образом, общее во всех перечисленных нами случаях то, что молодые люди выступают как *индивиды* — разделенные, изолированные, «атомизированные», то есть в точности такие, какими хочет видеть своих граждан буржуазное общество, и объединяются они не по классово обусловленным причинам, а в силу психологической, духовно-идеологической реакции на окружающую действительность. Возникающая в результате «протестующая группа», рассматривающая себя как «политическую элиту», характеризуется, в свою очередь, изолированностью, отказом от тесной связи с классом (которым она претендует руководить!) и с действительностью, а следовательно, подвержена шатаниям и шараханиям в самые разные стороны. Эти ребята хотят «сразу и всего» и с презрением отвергают «компромиссы», включая в число таковых и сам акт признания реального положения вещей (а ведь даже самый лучший бегун делает сначала один шаг, а потом другой — это тоже компромисс?). Они не делают различий между врагами, а врагами считают всех, кто не разделяет целиком их собственных убеждений, то есть практически весь мир за узкими пределами своей группы. Они путают решительность с нетерпимостью, силу с засильем, реальное с желаемым, дела со словами. Сам язык этих групп больше смахивает на технический жаргон — перенасыщенный идеологическими формулами, он становится все более сектантским в непрерывно идущем между ними состязании в «правоверности».

С другой стороны, общество, которое окружает этих ребят, кажется, специально задалось целью укрепить их в убеждении, что переменить надо «сразу и все». Разложение, продажность, невежество, тупость правящего класса бьют в глаза. Несправедливость правосудия видна всем и каждому. Государственный аппарат состоит на службе у ничтожного меньшинства. Официальная культура суха, безжизненна, формальна, бессмысленно помпезна. Всякий идеал и всякая человеческая надежда втаптываются в грязь, унижаются, превращаются в предмет купли-продажи... Вскоре все это становится невыносимым. Невыносимой становится сама мысль открыть дверь с помощью ключа: в озлоблении человек готов сначала попытаться высадить ее — либо створки настежь, либо голова пополам.

Тщетность, бесперспективность экстремизма и убеждают в конечном счете большинство его приверженцев, что для преобразования действительности требуется нечто иное и куда более внушительное, что подлинной силой обладают только рабочий класс и его партия. Вот таким-то образом бо́льшая часть нетерпеливых юношей за считанные годы проходит сложный путь созревания и превращения в сознательных — и несравненно более эффективных — борцов

за общественный прогресс. Ну а маменькины сынки, которые истошно кричали о революции, побуждаемые к тому своими частными «экзистенциальными» мотивами, — эти обычно вновь повязывают галстук и чинно занимают уготованные им места за столами административных советов соответствующих компаний.

«Топография» левацких групп, особенно студенческих, чрезвычайно пестра и изменчива: порою они заняты лишь тем, что доказывают друг другу собственную «левизну»; порою наступают моменты отрезвления и попыток более серьезно взглянуть на действительность. В целом такого рода экстремизм не играет сейчас большой политической роли, и даже умеренные течения общественного мнения приучились смотреть на него как на некую красочную деталь быта (быть может, именно потому, что уж больно часто в благополучных буржуазных семьях дочери и сыновья вдруг «бог весть чем забивают себе голову» и начинают в знак протеста подымать кулак, сжатый на пролетарский манер).

Что же касается организованного рабочего движения, то оно проявляет заботливую твердость и понимание по отношению к этому, если можно так выразиться, «молодежничеству». Убедить, отвоевать для сознательной политической деятельности тех, кого нетерпение и каша в голове толкнули в ряды «левых» экстремистов, — такова задача, которую ставит перед собой рабочее движение.

Совсем иного рода разговор рабочий класс ведет с теми «левыми» группами, которые исповедуют фанатичный антикоммунизм, что уже само по себе приоткрывает завесу над их истинным назначением, независимо от вывесок и этикеток. Подобные группы нередко обладают прочной организацией (кто, какими средствами, на чьи деньги организует их, зачастую остается тайной) и особенно опасны, когда, громогласно объявляя своей целью «революцию», намеренно способствуют мятежным выступлениям фашистов. То, что эти группы кишат провокаторами — засланными итальянскими или иностранными секретными службами, но в любом случае платными, — известно и документально доказано. Стоит только «поскрести» — и неизменно обнаруживается либо агент какой-нибудь разведки, либо лазутчик из неонацистской банды. «Дистанционно управляемые», такие группы оказываются в высшей степени полезными реакции и напоминают о себе именно тогда, когда это выгодно ей.

С точки зрения психологической — если только можно говорить о психологии применительно к данному случаю — интерес могут представлять лишь мотивы тех членов этих экстремистских организаций, которые состоят в них не ради денег, а потому, что и впрямь «думают так». Более чем вероятно, например, что к их числу принадлежат люди, которые погибают при осуществлении террористических актов: другие, то есть агенты-профессионалы, умеют и с взрывчаткой обращаться, и вовремя прятать в карман руку, бросившую камень.

Изучение биографий таких «искренних» экстремистов дает не бог весть какие обильные плоды. Пожалуй, единственный общий элемент, который можно обнаружить во всех таких жизнеописаниях, — это перенесенное жизненное крушение, так и оставшееся непреодоленным, а иногда даже породившее невроз, настоящее отклонение психического характера. Так, молодая женщина, о которой говорилось вначале, успешно училась в университете и как будто не отличалась от сверстниц и подруг. Затем она повстречала человека, — с которым вскоре и обвенчалась по всем правилам, в церкви, — несомненно левацких взглядов. Однако, сколько он ни старался, ему не удавалось выделиться ничем примечательным среди «ультрареволюционеров» его окружения. Женитьба побудила его утроить рвение — утвердить себя в глазах жены. Пара переехала на жительство в Милан и поставила себе целью поднять трудящиеся массы на немедленную революцию. Массы же, занятые более серьезными делами и обязанностями, попросту проигнорировали шумливую чету. Этот политический крах вызвал у супругов реакцию, которую на психологическом уровне можно определить как истерическую, а на политическом — как авантюристическую и провокационную.

Вот еще случай — с активисткой уже упоминавшихся НАП. Здесь истоком «революционности» послужила угнетающая, отупляющая рутина бюрократического учреждения. Дочь скромного служащего, сама служащая, какое-то время молча выносит беспросветность своего положения. Затем она начинает метаться, записывается в «самый революционный» профсоюз, грезит о всеобщем катастрофическом перевороте и одновременно пытается выучиться на декоратора. В конце концов она находит свое призвание в банде «десперадос» (испан., буквально — «отчаянных»), которые видят слой наиболее угнетенных государством в уголовных преступниках, а освобождение общества — в освобождении этих последних из мест заключения.

Пожалуй, наиболее поучительным текстом применительно к данному случаю могут служить страницы Достоевского. И не случайно многие аналогии зачастую встречаются в биографиях правых «ультра»: здесь также мы сталкиваемся преимущественно с выходцами из люмпен-пролетарских низов, мелкой буржуазии, с деклассированными элементами, с поклонниками «идеологии», способной дать человеку иллюзию на час-другой...

Разумеется, как бы ни были существенны все экзистенциально-психологические мотивы, наиболее важны причины политические. Чтобы объяснить явление «левого экстремизма», возможно, достаточно было бы просто внимательно перечитать газетную хронику последних лет. Свое первое внезапное и сенсационное появление на итальянской политической сцене этот экстремизм ознаменовал в 1969 году кровавым покушением в Милане: взрывом бомбы в Сельскохозяйственном банке на пьяцца Фонтана, когда погибло 16 человек и почти сто получили ранения. Этот террористический акт был немедленно приписан анархистам, и понадобились годы напряженной борьбы демократических сил, чтобы доказать, что в действительности это преступление было совершено фашистами (как, впрочем, и целая вереница других подобных актов, развернувшаяся в последующие годы, актов, неизменно «подписанных» якобы «левыми» организациями). В течение немалого времени это позволяло правительственному лагерю размахивать жупелом «двух противостоящих экстремизмов», пока самим деятелям Христианско-демократической партии не пришлось признать, что есть один-единственный экстремизм — фашистский (нельзя же всерьез приравнивать к нему мальчишеские выходки уже упоминавшихся юнцов). Сомнения на этот счет развеивались и сами собой, ибо фашисты тем временем все чаще поневоле сбрасывали маску и принимались бросать бомбы не таясь.

Но вот наступает канун муниципальных выборов, и фашистские террористы как в воду канут, разговоры о них умолкают, вроде их и вовсе не было (история эта неукоснительно повторяется накануне всех сколько-нибудь значительных голосований). Все террористические акты, которые фиксируются хроникой, оказываются «за подписью» ультралевых. При этом, как бы трагически ни выглядели цели и методы этих вылазок, в результате которых остаются десятки убитых и раненых, рядом с трагедией остается широкое место для фарса. Число взрывов, покушений, поджогов и тому подобных вылазок, предпринятых фашистами либо с открытым забралом, либо под лживой маской «леваков», исчисляется уже сотнями, но до сих пор виновники их «не обнаружены» и не арестованы. Когда же они все-таки оказываются в руках у органов правосудия, начинаются невероятные вещи: подтасовка и подделка документов следствия, бесследно исчезающие показания свидетелей, грызня между судейскими чиновниками, в результате которой процессы откладываются до бесконечности; наконец, неправдоподобные по мотивировкам оправдательные приговоры.

Если ограничиться лишь примером «Красных бригад» — самой скандально известной из провокаторских банд, — то дело доходит вплоть до следующего. За два месяца до выборов главарю этой организации, попавшему (по чистой случайности) за решетку, устраивается побег. Происходит это так: к воротам тюрьмы подъезжает некая синьорина, стучит в дверь, показывает страже автомат и спокойно увозит с собой пленника. Попробовал бы так «бежать» любой мелкий карманник!..

В случае же с НАП, которые охотно вербуют в свои ряды осужденных уголовников, особенно получивших большие сроки, полезно упомянуть, как было организовано — тоже за считанные недели до выборов — кровопролитное «восстание» в тюрьме. Его участники заблаговременно получили в камерах пистолеты, взрывчатку, рации.

Одним словом, похождения эти настолько фантастичны, что и самый наивный из телезрителей начинает смекать, что осуществить их без надежного покровительства и сообщничества просто невозможно. И служат все эти авантюры настолько точно, как по заказу, интересам правящей, Христианско-демократической партии, что и самый доверчивый из телезрителей соображает, что устраивает их кто-то, кто выполняет ее волю. И в том и в другом случае очевидно, что речь идет о настоящих преступлениях против народа.

Примечательно здесь не то, что провокационным центрам удается вербовать в своих целях уголовников или психически неуравновешенных людей. Внимания заслуживает другое: как бы щедро ни снабжались, с какой бы жестокостью и упорством ни действовали эти «внепарламентские левые», а в действительности реакционные организации, им так и не удалось ни остановить, ни увести в сторону рабочее движение. Профессиональные провокаторы и «десперадос», откровенные фашисты и свихнувшиеся невротики — вся эта публика просто не оправдывает затрат своих хозяев. Мало того, именно все более четкое выявление истинного облика этих наемных убийц и все более очевидный провал их происков помогают политическому созреванию тех нетерпеливых юнцов, которые хотели бы укоротить час до тридцати минут. Именно благодаря этому они скорее начинают понимать, что становым хребтом революционного движения является рабочий класс и что нет таких мелкобуржуазных групп, которые — какими бы «авангардными» они себя ни считали — были бы способны столкнуть его с верного пути на стезю авантюр.

Перевел с итальянского И. ЛЕВИН

„РЕВОЛЮЦИОННОЕ" ХОЗЯЙСТВО

РАЙМОНДА

**Эльземари МАЛЕТЦКЕ,
западногерманская
журналистка**

Уже несколько лет левые и либеральные издания время от времени публикуют материалы о молодежных коммунах. Какие только названия не придумали они, потешаясь над добровольными изгнанниками: и «политкрестьяне», и «агрореволюционеры», и «шуты гороховые с помещичьим заскоком» (журнал «Конкрет»). Растерявшись после того как схлынула волна студенческих выступлений в конце 60-х — начале 70-х годов, некоторые молодые люди утратили интерес к политической борьбе и перебрались в деревню, принялись пахать и сеять на землях заброшенных хозяйств.

«Вернутся наши робинзоны, вот увидите», — писал «Шпигель». И что же — вернулись «робинзоны», окончательно сошли со сцены? «Как бы не так! — воскликнул селькоммунар Раймонд, посетивший недавно редакцию журнала «Пардон». — Наше движение в самом расцвете. Как и прежде, мы единственная альтернатива господствующей системе». И он рассказал, как собирается развивать эту альтернативу. Если его послушаются, то вскоре будет объявлен сбор всех без исключения коммун, чтобы сообща взять в аренду большое земельное угодье, построить свои дома, вести «естественно-динамичный» образ жизни, добиться полного самообеспечения, построить собственную ткацкую фабрику. К черту технику, загрязнение среды и капитализм — да здравствует салат из свежих овощей и козье молоко! Модель новой жизни уже есть: его, Раймонда, коммуна в деревне N. неподалеку от Нюрнберга (название деревни не приводится по желанию членов коммуны). Там живут люди, умудрившиеся предугадать «экологические промахи» — например, энергетический кризис. Доказательство: заранее обзавелись повозкой на конной тяге. В Немецком банке открыт счет. На него может внести деньги всякий, кто любит вольную жизнь и желает поселиться в «Парке» (то есть в коммуне). Кому случится быть в тех краях, милости просим: слива нынче уродилась и уже поспела... Что ж, я решила воспользоваться приглашением.

Деревня N., насчитывающая три десятка домов, лежит всего в 45 километрах от Нюрнберга. Но ее покой не тревожат ни автобусы, ни поезда, уже в семь часов вечера она погружается в темноту. Только в крайнем доме светится ничем не занавешенное окно на втором этаже.

— Привет, Раймонд.

В темных сенях висит тяжелый козлиный дух. В кухне тепло (единственное в этом доме теплое место). На печи подсушивается круг подсолнечника. На столе резвятся котята, вылизывают лужицы молока.

Мы сидим впятером за круглым столом. Остальные — их трое — уже улеглись спать: им рано вставать, кормить скотину. Разговор ведет Раймонд (20 лет), с которым мы успели познакомиться. Он глядит на меня своими светлыми, как вода, глазами — миролюбиво и настойчиво.

Эгон (18 лет) заваривает чай из хвои и ромашки. Он несколько недель как бросил учебу. «И, — говорит Раймонд, — отменно прижился здесь. Правда, Эгон?» Эгон улыбается, как ребенок от родительской похвалы.

— Как вы проводите день, есть какой-нибудь твердый распорядок, план?

Ни в коем случае! Всякие планы, тотчас отвечают мне, это насквозь буржуазное, главное зло. Конечно, возделывание земли и уход за скотом требуют времени, но вовсе не обязательно договариваться о каких-то обязанностях: каждый член коммуны сам вносит посильный трудовой вклад в великое общее дело.

— И получается?

— Еще как! — заверяет Раймонд.

Его садово-огородная коммуна существует два года. Дом в десять комнат постройки 1932 года, перед тем как его сняли коммунары, пустовал четыре года и насквозь отсырел. В хозяйстве шесть коз, кролики, куры, гуси, утки, овца, а также неуклонно растущее поголовье собак и нежно мурлыкающих кошек, весьма удачно вписывающихся в коллективный портрет своих хозяев. На строительство хлева не дают разрешения власти. Однажды его уже начали было возводить, но внезапно пожаловала упрежденная доносом полиция, нашла в саду запас марихуаны и тут же почему-то наложила запрет на постройку хлева.

— Так вы курите марихуану? А как же это согласуется с «естественно-динамичным» образом жизни?

Вот когда Раймонд распалился. Высказанные им аргументы я позднее прочла в самолично им же издаваемой 12-страничной рукописной газетке «Пэнг». Они сводились к утверждению, что марихуана безвредна для здоровья. Вот, к примеру, выдержка из газеты Раймонда: «Гашиш погружает тебя в состояние, подобное тому, которое все люди планеты испытают после всемирной революции». Ни больше ни меньше.

Сюзанна (17 лет) прибрала свою комнату и расстелила для меня свежую простыню. В углу матрац, рядом табуретка и на ней огарок свечи, на полу три книги, гитара, деревянный сундук, швейная машинка. Под лампочкой без абажура висит букет бессмертников. Сыро, холодище. Сердце стынет в этой комнате. Растерянно смотрю на нежное существо, которое разгуливает босиком, в дырявом пуловере и, удовлетворенно мурлыча, разглаживает простыню. «Приятных сновидений!»

За окном тишина, устрашающе полная для горожанина. И полмиллиона звезд. Я укладываюсь на ночлег в свитере и носках. Часов в одиннадцать из соседней комнаты выбегают две молодые овчарки и галопом прямо ко мне. А в три я просыпаюсь от холода и сырости.

В восемь утра солнце уже высоко в небе. Из соседней комнаты врываются Инза (20 лет) и две собаки, пробегают по мне и скрываются в сенях. Я предвкушаю «динамичный» завтрак: горячий чай, свежий хлеб и смородиновое варенье домашнего изготовления. Сюзи ведет меня в столовую.

А вот и завтрак: пригоршня овсяных хлопьев, щепотка льняных семян (Сюзи: «Полезно для пищеварения»), несколько зерен кунжута и кружка козьего молока. Уплетая за обе щеки, я присаживаюсь на скамью во дворе рядом с Сюзи, Марианной и Инзой. Сюзи читает еще одно собственное издание коммуны, дело рук того же Раймонда, комикс «Леса да луга». Инза расчесывает

свои длинные русые волосы. Одна Марианна (19 лет), единственная в коммуне настоящая крестьянка, делает причитающийся трудовой вклад в великое общее дело — красит оконные рамы.

В течение дня я вижу, как Марианна перемывает квашеную капусту в бочке, кормит скотину, рубит дрова. Все это время две другие красавицы возлежат в шезлонгах среди развалин недостроенного хлева, загорают.

— Скажи-ка, Марианна, тебе ничего не нужно?

— Чего?

— Помощи, например.

Она смеется:

— Каждый волен делать, что ему нравится.

— А заработаешь ли так на жизнь?

Семеро коммунаров должны вносить в общую казну по 50 марок в месяц каждый. Откуда наскрести эти деньги — забота каждого в отдельности.

— Выходит, ваше хозяйство не такое уж натуральное?

— К сожалению, нет. У нас всего гектар земли, с него не прокормишься.

В некотором смущении она признается, что остальные коммунары подрабатывают сдельно на нюрнбергской фабрике зажигалок и таким образом вносят свой вклад в «модель новой жизни».

— Не бывает тебе трудно терпеть такую жизнь?

— Я ушла от общества потребления по собственному желанию, вместе с друзьями.

Она не нуждается ни в центральном отоплении, ни в косметике, ни в платьях, обработанных в химчистке. За два года, что она провела в «естественно-динамичном» хозяйстве, Марианна открыла для себя счастье в том, чтобы выращивать хлеб насущный собственными руками. Именно так: радость — это работа ее собственных рук. Работа ее рук поддерживает ее маленький личный мир в чистоте и здоровье. А выживает только чистый мир.

— Ты хочешь, чтобы и все люди жили так же?

— Это же невозможно, — улыбается она чуть насмешливо моей наивности. Однако все больше людей, по ее мнению, будут приходить к пониманию спасительной идеи «естественно-динамичной» жизни.

— А те, кто не придет к пониманию, — загрязнители окружающей среды, гангстеры от индустрии?

— Вымрут, — кротким голосом отвечает Марианна и продолжает белить оконный переплет. — Недавно я прочитала, что от рака умер двенадцатилетний ребенок. Видишь, и так будет со всеми. Не хочешь уйти из этого окружения — умирай.

На лице Раймонда весь день гостит улыбка, и если он открывает рот, то только затем, чтобы произнести что-нибудь приятное: красиво, нежно, дешево, гармонично и здорóво живется в садово-огородной коммуне. Коммуна открыта для любого пострадавшего от цивилизации и политики, кто готов преломить галету вместе с ними. Правда, текучесть пока большая. Среди нынешних коммунаров только трое живут со дня ее основания. Раймонд, один из этих «людей первого часа», вместе со своей газетой «Пэнг» составляет как бы идеологический костяк этого миниобщества. В своем листке (тираж колеблется между тремя и пятью тысячами) Раймонд занимается в основном созерцанием собственного пупка. Чем привлекает «Пэнг» читателя, уму непостижимо. Разве что доходящей до анекдотичности безграмотностью.

— Не знаю, правильно ли ты поймешь то, что здесь написано... Видишь ли, я и сам это не очень понимаю, — говорит Раймонд. Читаю.

По поводу телевидения: «Телепередачи принесут Тебе много несчастий, и скорее всего Ты подцепишь рак».

По поводу политики: «Да здравствует Роте армее фракцион! Да здравствует политика вооруженного переворота! Впрочем, как и многие из вас, я слишком прогнивший и трусливый тип, чтобы присоединиться к Роте армее фракцион». (Имеется в виду анархистская группа Баадера — Майнхоф. — **Ред.)**

На шее у Раймонда цепочка с красной звездочкой, серпом и молотом.

— Вот это да!

— Моей собственной работы!

Поздно вечером он показывает мне свою редакцию. Сзади нас сидит Инза и скручивает цигарки. Раймонд неплохо греет руки на газете, «комиксах» и брошюрах, выпускаемых его собственным издательством УПН (Нюрнберг-85, Коперникусштрассе, 4). Он главный богач в коммуне. В общую кассу, однако, вносит ежемесячно, как и все, 50 марок. Кто не хочет зарабатывать на жизнь, стоя у фабричного конвейера, может наняться к Раймонду: переводить тексты «комиксов» с английского на немецкий, сшивать, брошюровать. В конце концов, Раймонда одного не хватает на всё.

Похоже ли это на модель новой жизни?

— Ты попытался убедить хоть одного рабочего в правоте твоих идей? Ты борешься за лучшее будущее — на скольких людей ты его распространяешь? Не эффективнее ли бороться непосредственно на предприятиях, например, за лучшие условия труда?

— Агитировать рабочих? Ну нет, — отвечает Раймонд. — Это не соответствует нашим целям. Я вообще не вижу смысла в борьбе за повышение зарплаты, ведь мы все равно хотим упразднить деньги. Мы строим здесь альтернативное общество. Мы здесь первообраз коммунизма.

Инза, смущенно разглядывая ногти:

— А выставлять человека за дверь из общей комнаты, потвоему, тоже первообраз?

Раймонд смеется:

— Да что говорить, конфликты пока случаются.

Инза:

— А мне синяк под глазом поставил. Это как?

— Видишь ли, — объясняет мне Раймонд, — мы тут откровенны друг с другом на полную катушку. Думаю, вряд ли найдешь группу, где все были бы так же откровенны друг с другом, как мы, — он даже из признания собственной вины выдаивает аргумент в пользу своего «прекрасного мира». — Ну, бывает, что погорячишься в споре, пустишь в ход руки. Не без того.

Инза с опущенной головой принимается вновь за цигарки, ворчит:

— Но на девчонок только ты руку поднимаешь.

— Скажи, — поворачиваюсь я к Инзе, — если у тебя на душе тяжело или вот поссорилась, ты рассказываешь об этом всей группе или кому-то одному, особенно близкой подруге?

— Мы откровенны друг с другом на полную катушку, — опять встревает Раймонд.

— Вот и неправда, — возражает Инза. — Когда мне плохо, я долго никому об этом не говорю. Разве что Сюзи.

Она и Сюзи любят и посплетничать, и попеть вместе. А с ребятами такой дружбы нет.

— Они и между собой ни капельки не дружны.

— А как вы уживаетесь с местными крестьянами?

— Потрясающе хорошо, — говорит Раймонд, бросая взгляд в сторону Инзы; та сосредоточенно молчит. — Стоит им увидеть, что ты прилежный земледелец, и все в порядке. Нужно только объяснить им, чем ты занимаешься, мол, вношу удобрения и тэдэ. И они мигом смекают.

— А как с родителями?

— Сейчас стало намного лучше. Они нас любят и ценят. Моя мать горой стоит за наше дело...

— Ведь неправда же, — устало перебивает Инза, — у Сюзи плохо, у Марианны плохо.

В комнату заглядывает Эгон, приглашает всех посидеть в кухне.

— Раньше, — говорит Раймонд, — мы устраивали экскурсии, но теперь в них нет нужды.

Коллективные поездки были полезны, когда коммуна только народилась и ее члены, сбежавшие от родителей, искали новой общности. Теперь достаточно посидеть вместе вокруг кухонного стола и погреться чайком из хвои. Они обрели новый дом.

Раймонд уходит в кухню. Инза остается. Между пальцами у нее крошки просыпавшегося табаку. Ее привязанность к Раймонду не так давно разбилась, осталась одна видимость.

— Почему же все складывается не так гармонично, как вы хотели?

— Больше всего в этом виноват Раймонд, — говорит Инза. — Кое-кто хотел бы исключить его из коммуны. Ему однажды даже пригрозили, что выбросят его вещи на улицу. Но он просто взял и остался. Из-за этого его невзлюбили еще больше. Он ужасно хочет, чтобы в коммуне воцарилась гармония, но уже ничего не видит сквозь свои фантазии. Он бог знает что себе навоображал, строит из себя лидера и набрасывается на девчонок с кулаками, чуть что не по нему. О его самомнении можешь судить хотя бы по газете. Он ведь без конца жует одно и то же. Что касается «модели» нового общества... все же самое толковое дело — идти на предприятия, вести там политическую работу. Я, во всяком случае, не представляю, как быть полезной рабочим, сидя здесь.

— В таком случае что ты собираешься делать? И дальше сидеть здесь?

— Пока не знаю, — говорит Инза. — Мне лично работа на огороде нравится меньше всех здесь. Если честно, совсем не нравится. А этот проект «Будущего», «Объединения свободных земель», когда все будут жить вместе, полностью отрезав себя от остального мира... Всё фантазии. Ничего из этого не выйдет. Да мне, пожалуй, и не захочется поселяться в этой объединенной коммуне.

— И все-таки ты живешь здесь? Несмотря на огорчения и ссоры?

— Да, — говорит Инза, — я не хочу жить ни в каком другом месте.

Итак, «робинзоны» не торопятся назад, в цивилизацию. Они топчутся на месте в растерянности и тоске.

Перевел с немецкого Б. СЕНЬКИН

ИЗ „НОВЫХ ЛЕВЫХ" В „НОВЫЕ МИССИОНЕРЫ"

Кен КЕЛЛИ,
американский журналист

Кампус походил на потревоженный муравейник: ждали Ренни Дэвиса. Студентам не терпелось поглазеть на своего бывшего вожака в новом амплуа. Из интервью, переданного радиостудией Беркли, было известно, что Ренни вступил в религиозную секту «Миссия Божественного Света» и полон решимости посвятить всю свою жизнь служению «святому» отроку — Сатгуру Махарадж Джи.

В Беркли разгорелись споры. Одни считали закономерным обращение Ренни Дэвиса — в недавнем прошлом активного участника леворадикального движения — к религии, другие подозревали даже, что к метаморфозе Ренни приложило руку ЦРУ. А третьи утверждали, что Ренни просто не выдержал нервной нагрузки, связанной с видным положением в молодежном движении, и что окончательно его подломило разочарование, когда студенческие бунты пошли на убыль, — вот он и ударился в религию.

Местом своего выступления Ренни избрал танцевальный зал Поули, выходящий на памятную всем студентам Спроулплаза. Именно на этой площади еще в 1965 году состоялась крупная демонстрация, которая подняла волну студенческого протеста, на пять лет захлестнувшую кампусы страны. Ренни Дэвис был одной из самых видных фигур студенческого движения. Он добывал деньги, планировал демонстрации, произносил речи, сочинял памфлеты — словом, был душой молодежного бунта. Все привыкли считать Ренни лучшим из лучших, самым преданным делу, и вдруг нате: он призывает отдать сердца и умы какому-то безусому юнцу, объявившему себя Всевышним. Это было столь же нелепо, сколь неожиданно.

Как только Ренни Дэвис предстал перед собравшимися, раздались крики: «Эй, блаженный, под каким лозунгом ты теперь воюешь? «Вся сила в Махарадже», так, что ли?» Он принял выпады доброй улыбкой. «Я осенен Блаженством, да-да, Блаженством с большой буквы, — возгласил он на лексиконе своего нового поприща. — Я пришел, чтобы выступить перед вами. Если вы не желаете меня слушать, дело ваше. Однако рано или поздно вы все равно поймете, что мы живем под новым Божественным водительством, которое в буквальном смысле слова переделает нашу планету согласно нашим заветным надеждам и мечтам».

Проповедь такого рода у индуистских мистиков называется «сатсанг», то есть «посвящение в истину». Собственно, для Ренни это занятие не в новинку. Было время, когда он громко проповедовал на перекрестках Чикаго. Правда, тогда и «сатсанг» был не тот, и Ренни другой: он возглавлял студенческую коммуну «Джойн» («Вместе»).

Нынешний Дэвис — сама умиротворенность. Не обращая внимания на град словесных стрел, он продолжал вершить массовый «сатсанг». Начальное любопытство толпы смени-

Молодые последователи Учителя—«гуру», собравшись в громадном спортзале, имитируют «отрешенность», ожидая, когда на них снизойдет блаженство.

лось враждебностью. Ввиду позднего времени аудитория начала таять. А в программе еще был кинофильм про Гуру Махарадж Джи. Ренни почувствовал, что пора закругляться и любым способом снова разжечь затухающие страсти. «Гуру Махарадж Джи учит нас, что Истина, Знание и Блаженство пребывают в наших же душах, — он сделал паузу. — И я говорю вам здесь: наша система — это и есть Истина, Знание и Блаженство!»

В оратора полетели помидоры. Рухнул наземь холщовый алтарь с божественным образом Всевышнего. Стены задрожали от свиста...

Через два дня я посетил Ренни Дэвиса в его ашраме (обители) в Сан-Франциско. Он встретил меня в дверях поцелуем. Разувшись, как повелевает этикет при входе в обитель, где почитают дух божий, я уселся и стал слушать рассказ Ренни о его обращении в новую веру.

Еще в прошлом году он начал «углубляться в себя», хотя и продолжал старую работу — организовывал демонстрации в Майами. Он стал поститься, перешел на вегетарианскую пищу, скитался в одиночку по горам и вообще постепенно «сбавлял темп», благодаря которому снискал когда-то репутацию одного из наиболее энергичных активистов студенческого движения. После того как в январе 1973 года было достигнуто соглашение о прекращении огня во Вьетнаме, Ренни Дэвис собрался ехать в Париж, где вместе с другими активистами должен был представлять антивоенное движение США на торжествах после подписания соглашения. Ренни планировал по возвращении из Парижа принять участие в создании «национальной партии» левых: после распада леворадикального Демократического союза студентов за это дело брались многие, но безрезультатно.

Однако планы его изменились самым неожиданным образом. Тем же самолетом, что и Ренни, в Париж направлялась группа приверженцев Гуру Махарадж Джи. Среди них Дэвис увидел своего старого приятеля Ларри Кэнэду.

Замечу, что как раз вместе с Ларри Кэнэдой автор этих строк предстал в 1971 году перед большим жюри (то есть перед присяжными заседателями, решающими вопрос о предании обвиняемого суду или прекращении производства его дела. — **Ред.**). Его, меня и еще четверых человек допрашивали в ходе возбужденного министерством юстиции «следствия по делу о взрыве бомбы в Капитолии 1 марта 1971 года». Все мы участвовали в организации первомайской демонстрации и находились в Вашингтоне в тот день, когда взрыв в подвале потряс стены конгресса (и самих конгрессменов). Крючкотворы министерства юстиции сочли, что взрыв имел отношение к первомайской кампании, и особенно заинтересовались фигурой Кэнэды, а также его бывшей женой Кэти Нойес, наследницей богатого состояния. Эти два человека внесли в фонд первомайской кампании почти 75 тысяч долларов.

Уже не говоря о его особом финансовом положении, Кэнэда сам по себе был уникумом среди участников майских событий. Он уже тогда слыл нашим штатным мистиком. Когда большое жюри вызвало его с фермы в штате Индиана, он поселился на вашингтонской квартире Ренни Дэвиса. Именно в это время Ларри пристрастился к библии и... наркотикам. Он посвятил Дэвиса в свои фантастические планы завоевания столичного округа Колумбия. Он собирался вовлечь в свое предприятие «битлов», кормить бесплатно в течение недели 100 тысяч человек, поднять восстание на военном флоте и направить его вверх по Потомаку навстречу войскам, чтобы перекрыть мосты. Мечта была тем более прекрасна, что все расходы по ее осуществлению Ларри брал на себя. С рассказами о его чудачествах могли поспорить только рассказы о его же щедрости. В трудную минуту всегда можно было положиться на Ларри.

Но в самолете, направлявшемся в Париж, Ларри Кэнэда проповедовал уже новое евангелие. И слушателем его опять был Ренни Дэвис. По словам самого Ренни, он тогда подумал только одно: «До чего же это земные, настоящие люди, если не считать галиматьи, которой забиты их головы».

Но любопытство не давало ему покоя, и в Париже он каждый день ускользал от своей делегации и бежал к новым «святым» друзьям, расположившимся в шикарном отеле «Георг V». Ларри Кэнэда чувствовал в себе наплыв филантропии, ему надо было употребить куда-то 20 тысяч долларов. И вот Ренни предлагают бесплатное путешествие — «миссию божественного поиска» в Индию, в Прем-Нагар, Город Любви, где обитают Махарадж Джи, его мать и трое братьев.

Нельзя сказать, чтобы святой Гуру Махарадж Джи понравился Ренни Дэвису с первого взгляда. Напротив, первое впечатление было, как он вспоминает, «ужасным»:

«Я увидел толстого, избалованного богатством подростка, окруженного свитой стариков. Эти «махатмы» без конца кланялись и целовали ему ноги. Вместо благодарности за эти знаки уважения он вскочил на мотоцикл и рванул с места, обдав стариков пылью. Потом резко затормозил, развернул машину и погнал ее прямо на своих «махатм». Те едва отскочили в сторону в последний момент, а он, не сбавляя скорости, промчался дальше. Когда мотоцикл застрял в рытвине с водой, «махатмам» пришлось его вытаскивать. Они перемазались в грязи с ног до головы. А мальчишка прицепил к багажнику какой-то тюфяк и велел одному из стариков лечь на него. И опять помчался по пустырю, а «махатма» болтался сзади. Тогда я не мог понять его поведение. Только позднее осознал, что это «лила», то есть «игра Бога». Гуру Махарадж Джи хочет, чтобы мы были просты, как дети, и дает понять это своими ребячьими выходками. Однако, повторяю, сначала мне показалось, что меня втягивают в какое-то надувательство. Но в Прем-Нагаре жило еще около шестидесяти таких же, как я, молодых людей с Запада, и мне было с кем поговорить. Ко мне подходили, здоровались: «Как тесен мир! Мы же вместе ходили на демонстрации в Чикаго», «Вот так встреча! В последний раз я видел тебя во время майских событий». Мало-помалу предубеждение во мне таяло при виде этих замечательных людей, искренне поверивших в божественную суть отрока Гуру Махарадж Джи. Наконец я решил хотя бы сделать попытку обрести Знание».

«Обрести Знание» — это значит пережить особое состояние, во время которого «ум отделяется от души». На «божественном» лексиконе такое состояние называется «совершенным», и достичь его можно, только пройдя предварительное обучение у «махатмы». Обучение длится порой годами, но у Ренни Дэвиса оно заняло значительно меньше времени.

«Пережив момент божественного озарения, — рассказывал мне Ренни, — я сказал себе: отдаю весь свой разум тебе, Гуру Махарадж Джи; с этого момента мыслишь ты, я же только слушаю». Итак, свершилось: Ренни отринул понятие о рациональном человеческом поведении и поместил свой мыслительный аппарат в святого вундеркинда, где он и будет пребывать на протяжении всего «космического» существования Ренни, то есть вечно.

Похоже, спаситель подоспел как раз вовремя. «Великое очищение ожидает планету, — поясняет Ренни. — Спасение получат те, кто познал священное Слово. А все остальные не переживут это время. Вот почему Он явился именно сейчас. Он сделает так, чтобы Его Знание мог получить каждый на нашей планете. Если люди будут хотя бы просто слушать, что Он говорит, и придут к нему с открытым разумом, он вооружит их божественной Истиной, которая не только превратит планету в рай, но и даст каждому вечное счастье и Блаженство, да-да, Блаженство с большой буквы».

Когда тебе выкладывают всю эту галиматью на полном серьезе, можно оторопеть. Но надо знать Ренни. Он и раньше был склонен к преувеличениям. Так, в 1971 году он «по секрету» предсказывал, что майская демонстрация приведет к полному краху Вашингтона.

Умиление Ренни Дэвиса Всевышним и его божественным семейством не знает границ. Каждый родственник Гуру Махарадж Джи, по словам Ренни, «являет собой какой-нибудь аспект Его божественной сущности». Так, один из братьев, Бал Бхагван Джи, — не кто иной, как «сам Иисус Христос, вернувшийся на землю вместе с Отцом». При таком слепом поклонении для Ренни не представляет особого труда объяснить вопиющие противоречия, если не циничное лицемерие в поведении его божества. Скажем, Гуру Махарадж Джи питает нескрываемое пристрастие к дорогим автомобилям, мотоциклам и самолетам, а матушка его выходит в свет обвешанная бриллиантами. Подобает ли богу упиваться роскошеством в стране, где столько людей еще живут в нищете? (О нравах этого «святого» семейства «Ровесник» уже писал в № 8, 1975.)

Ренни объясняет: «В прошлое пришествие Всевышний явился в лохмотьях, и никто в него не поверил. Зато на сей раз он предстал Царем и сказал: «Вот, люди, я здесь, и вы уже не сможете не узреть меня!» И потом — все материальные богатства для него вроде игрушек, он дает понять, что деньги, в сущности, нелепы и смешны. Гуру Махарадж Джи

дает нам понять, что надо быть выше мира вещей. Вот почему он выглядит таким смешным и окружил себя материальными богатствами. Это всего-навсего «лила» — божественная игривость. Например, сейчас он разбирает мотор своего «роллс-ройса», чтобы понять, что к чему, и потом самому собрать такой мотор, который позволит ему установить мировой рекорд в скорости езды. Зло надо искать в наших собственных душах. Вот проблема проблем, а не капитализм. Избавиться от духовной раздвоенности — значит избавиться и от капитализма, и от расизма, и вообще от всех проблем».

Глядя в его ясные голубые глаза, я неожиданно почувствовал себя в положении пещерного человека, пытающегося разговаривать с гориллой: физиологические инстинкты одни и те же, но что касается мычания собеседников, тут природа уже воздвигла непреодолимый генетический барьер. Должно быть, на моем лице было написано недоумение, потому что Ренни, утешающе похлопав меня по колену, сказал: «Это даже хорошо, что ты сбит с толку. Это первый шаг. Приезжай, посмотри сам».

И вот я в Денвере. В здании, где помещается один из ашрамов «Миссии Божественного Света». Меня принимает 26-летняя Джоан Эптер, директор по кадрам «Миссии». Еще в Сан-Франциско Ренни Дэвис сказал мне: «Начиная с этого момента мы будем делать нашу революцию профессионально». Джоан Эптер как раз входит в число общепризнанных профессионалов «Миссии». Ее рассказ во многом походит на жизнеописания других членов секты, с которыми я поговорил в те дни.

«В школе мне все было занудно и постыло. Я места себе не находила от скуки. И тогда я все бросила и закатилась на три года куда глаза глядят. Мне хотелось понять, какое зло меня мучит и как с ним сладить. Поехала в Индию, добралась до самого севера страны, где уже упираешься в китайскую границу, через которую — нельзя. Но ничто мне не помогало. Моя душа опустела, я металась в тупике. Впереди никакого просвета. Надеяться не на что. Счастье? Все выдумка, решила я, а вся жизнь — только нелепая шутка, и шутку эту сыграли надо мной. Именно в это время я встретила Махарадж Джи, и его святое семейство приняло меня и согрело мне душу. Когда тебя оттолкнет весь мир, когда ты никому не нужен и все у тебя позади, а впереди ничего, вот тогда ты созрел, чтобы уверовать во Всевышнего. Со мной стали обращаться так терпеливо и любовно, как никогда в прежней жизни. И мало-помалу я оттаивала».

Вернувшись в Америку, Джоан Эптер стала ревностной проповедницей новой веры и организатором ашрамов по всей стране.

Сам Гуру Махарадж Джи появился на свет 17 лет назад. Как принято в Индии, он получил при рождении два имени: Пратап Сингх Рават и Балиогешвар. Его отец Шри Ханс Джи Махарадж (собственно, он и основал «Миссию Божественного Света» и себя тоже называл Всевышним) провозгласил, что «наконец на землю сошел Всевышний, столь великий, что я простираюсь пред ним ниц». Шри Ханс умер, когда «божественному» сыну было восемь лет. Уже в 13 лет Балиогешвар впервые выступил перед огромным сборищем.

В 1971 году Махарадж Джи впервые съездил на Запад, в Англию — на поп-фестиваль в Гластонбьюри. Он произвел фурор: подкатил прямо к эстраде на белом «роллс-ройсе» и закатил «сатсанг» — речь, которая неизвестно сколько бы длилась, если бы через пять минут кто-то не отключил микрофон. В 1972 году он устраивает собственный фестиваль — «Гуру Пуджа», то есть «Почитание Гуру» — по другую сторону Атлантики, в горах Колорадо. Вслед за этим «Миссия Божественного Света» стала неуклонно расширяться. На вооружение взяты все средства, в том числе и органы массовой информации: своя газета, специальные программы для радио и телевидения, буклеты и прочее.

Там же, в денверском ашраме, ко мне подсел одетый с иголочки, как принято у членов «Миссии», молодой человек лет двадцати пяти. «Стив О'Нейл», — представился он. Стив — один из руководителей «Всемирного корпуса мира», организации, которая добывает средства для «Миссии». Она устраивает «миссионеров» на самые разнообразные работы — от нянченья младенцев до установки глушителей на автомобили. Считается, что способности для той или иной работы не играют роли, главное — искренность.

«А способностями — всеми, какие нужно, — нас милостиво наделяет Гуру Махарадж Джи», — уверяет Джоан Эптер. Пример? Пожалуйста: 24-летний Майкл Доннер ходил в рядовых «миссионерах» всего четыре месяца, а уже занял один из трех высших постов «Миссии» — директора-распорядителя по кадрам.

«Я отсидел год в тюрьме за отказ подчиниться призыву в армию», — сказал мне Доннер. Его судили в числе группы из восьми человек за сожжение призывных повесток и причинение ущерба компании «Доу кемикл» (поставлявшей Пентагону свою продукцию для использования в войне во Вьетнаме. — **Ред.**).

Стив О'Нейл до обращения в новую веру тоже был в своем роде «революционером». Кстати, политическое прошлое есть у многих руководящих «миссионеров». Рассказ Стива показался мне особенно занятным.

«В армию я пошел, чтобы научиться убивать. Меня тогда очень тянуло к оружию. Я переживал, так сказать, синдром Джона Уэйна (голливудский актер, известный главным образом по вестернам и боевикам. — **Ред.**). У меня уже были счеты с полицией. Я хотел поскорее выучиться военному делу, чтобы потом взорвать к чертям все правительство. Из меня вышел первоклассный солдат. Мне присвоили квалификацию эксперта по оружию, послали в Корею. Там я и еще несколько ребят пошаливали — то библиотеку подожжем, то украдем партию оружия, то еще чего натворим. Словом, забавлялись, но вообще-то были настроены против истэблишмента вполне серьезно. И тут меня вышибают из армии — по обвинению в контрабанде наркотиков. Оказался я снова в Лонг-Айленде (район Нью-Йорка. — **Ред.**), встретил там старых дружков. Они тоже, оказывается, походили в «джи-ай» (в рядовых. — **Ред.**). Мы ждали только хорошего случая, чтобы выйти на улицы и взорвать систему. А пока что занимались грабежами. В конце концов все влипли. Все, кроме меня. Наш «штаб» помещался в подвале дома моих родителей. Однажды все ушли на встречу с человеком, который собирался скупить у нас наркотиков на тысячу долларов. А я остался дома. И вот, когда ребята ждали, что этот тип вынет деньги, тот сунул им под нос полицейский жетон и сказал: «Я следователь, вы арестованы». Тут же на них обрушился свет прожектора с вертолета, а из темноты выскочили пятеро снайперов. Рядом был пруд, и ребята прыгнули в воду. Оттуда их и повытаскивали. Потом копы (жаргонное: полицейские. — **Ред.**) заявились в мой дом. Они уже протопали пол-лестницы в подвал (а там на столах — навалом пули, на полу — пакеты с наркотиками), и тут мой отец кричит: «Эй, минутку!» Копы повернулись и вышли. «Знаешь этих людей?» — спросили они меня и предъявили фотокарточки. «Да, — говорю, — это ж мои друзья». — «О'кэй», — сказали они, и больше я их не видел, и никто меня никуда не вызывал. А ведь я по всему раскладу должен был загреметь вместе с остальными. Что тут скажешь? Провидение! Я уехал в Ирландию, мотался там, пока не встретил одного «миссионера», такого смирного и великодушного, что я сразу к нему привязался. Пару дней я внимал «сатсангу», получил Знание осенью 1971 года в Дублине и — поверьте — как заново родился! Там же, в Ирландии, я сам организовал несколько ашрамов».

Такие «миссионеры», как Стив О'Нейл, Джоан Эптер, Ренни Дэвис, составляют главную силу «Миссии Божественного Света». Так что послушание божественному Гуру Махарадж Джи имеет свои привлекательные стороны. Прежде всего верующему предлагается живой, любящий Учитель — щит против всех невзгод и пуповина, связующая с вечностью. В Денвере один «миссионер», обращая ко мне свой «сатсанг», сравнил человечество с рыбой, плывущей по течению. И во рту у этой рыбы — крючок, а леска привязана к шесту на берегу. Я высказал вслух предположение, что леска — это, должно быть, сам Всевышний. «Нет, — ответил «миссионер». — Это собственная добрая воля».

Итак, добровольно плыть по течению, положиться во всем на Гуру Махарадж Джи, который сам решит все твои заботы. И тогда небеса снизойдут на землю, и сама смерть станет восхитительным приключением, порогом, за которым все радости вечного бытия в виде бесформенного духа. Вот, собственно, и все, что в состоянии предложить «новые миссионеры», натыкаясь на новые, все более трудные вопросы, которые ставит перед нами наша земная жизнь...

Перевел с английского Д. СЕРГЕЕВ

ДЕЛО БААДЕРА — МАЙНХОФ

В. ЛАПСКИЙ

— Сегодня нас мало, жалкая горстка. Мы ступаем на тернистый и великий путь. Через год нас будет десять тысяч, активных революционных борцов, штурмующих капиталистическую систему.

Хорст Малер остановился, достал из кармана скомканный платок, промокнул высокий лоб, щеки, разгладил черную всклокоченную бороду. Взмахнул кулаком:

— Мы ни перед чем не остановимся! Революционная практика неизбежно будет криминальной — таково объективное веление сегодняшнего дня. Мы не можем, не имеем права защищаться от «быков» (жаргонное: полицейских. — *В. Л.*) с помощью фраз, когда на нас направлены дула автоматов. Гибель от полицейской пули нашего товарища Бенно Онезорга стала для нас горьким, но важным уроком. Путем решительных вооруженных действий мы будем радикализировать массы, создавать революционную ситуацию в городах — нервных сплетениях капитализма. Наша опора — учащиеся, студенты, иностранные рабочие, безработные — все те, кто не интегрировался в систему капитализма. Нам выпала большая честь — возглавить революцию.

На стульях, на кровати, прямо на полу сидело с десяток молодых людей, которые в такт интонации Хорста Малера кивали головами. Вокруг старомодного абажура неподвижно повис ватный пласт дыма.

Юноша в желтом свитере растер окурок о толстую подошву.

— Ты прав, Хорст, без стрельбы в «быков» не обойтись. Нам потребуется много оружия, взрывчатка, а сегодня наших средств хватит разве что для стрельбы в тире на ярмарке.

Поднялась Ульрике Майнхоф — молодая женщина с длинными, спадающими на плечи волосами, очки в тонкой оправе, в руке дымящая трубка. Громко, тщательно выговаривая каждое слово, сказала:

— Мы должны экспроприировать деньги у капиталистов. Они украдены у народа и должны снова попасть в руки народа. Иного выхода у нас нет, ждать материальной помощи нам неоткуда. Захват денег в банках станет одним из первых наших зачетов в революционной борьбе. Да, революция, которую мы готовимся совершить, неизбежно будет обагрена кровью. Предлагаю составить революционный манифест. Массы должны знать, что в Федеративной Республике и Западном Берлине начинает действовать организованное революционное подполье.

...Это было их первое заседание. Оно проходило на конспиративной квартире в Западном Берлине пять лет назад. На нем организационно оформилась группа Роте армее фракцион, сокращенно РАФ, объявившая революционную войну — «герилью» — в городах. Все последующие годы западногерманская и западноберлинская печать, радио, телевидение постоянно и многословно информировали публику об операциях «городских партизан», кровавых схватках с полицией, погонях, арестах, трагической гибели и шумных судебных процессах — сообщения о «герильеро» стали столь же привычными в прессе, как, скажем, сводки погоды.

Сейчас, когда в зал суда в Штутгарте вводят скованных наручниками Ульрике Майнхоф, Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Яна-Карла Распе, сидящие в зале журналисты гадают, будет ли приговор «твердому ядру РАФ», как называют эту четверку, последней точкой в истории Роте армее фракцион или следует ждать новых выступлений группы, хотя ясно, что в общем она разгромлена. Суд начался еще в мае. Заседания проходят в специально отстроенной тюрьме. Говорят, даже птица не сможет подлетать к ней незамеченной. Газеты пишут, что вполне хватило бы и половины мер предосторожности: побег заключенных, равно как и их освобождение единомышленниками, полностью исключен.

Сидящие в камерах-одиночках бывшие подпольщики, должно быть, иногда вспоминают свое первое заседание на конспиративной квартире в Западном Берлине и составленный там манифест. В нем «партизаны» с горечью и ненавистью обвиняли капитализм, при котором «миллионы рабочих фактически бесправны, массы нищают, города приходят в упадок, разрушается окружающая среда, обостряется кризис в системе образования, ухудшается материальное положение молодежи, подвергаются дискриминации женщины, безжалостно выбрасывают из производства пожилых». Критика капитализма всегда была их сильным местом... Пять лет назад, в мае 1970 года, они верили, что смогут расположить к себе массы. Гудрун Энслин любила цитировать американо-немецкого философа Герберта Маркузе, который утверждал, что революцию совершает решившаяся на отчаянные действия авангардная группа. Она зажигает пламя революционной борьбы, к которой присоединяются тысячи людей. Тысячи! В Роте армее фракцион даже в лучшие времена счет шел только на десятки.

История РАФ началась еще до появления манифеста.

Апрельским утром 1968 года Баадер, Энслин и двое их товарищей вкатили на похищенном «фольксвагене» во Франкфурт-на-Майне. В багажнике они везли канистры с зажигательной смесью. За несколько минут до полуночи вспыхнул крупнейший в городе универмаг — горели сразу два этажа. На другой день агенты уголовной полиции схватили поджигателей — их поместили в тюрьму предварительного заключения «Кляйнес хаус».

Андреасу Баадеру, сыну мюнхенского архивариуса, в ту пору исполнилось 25 лет. Он уже был ветераном уличных потасовок с «быками», ходил на студенческие демонстрации, хотя и не учился в университете. Его увлекали острые ситуации, динамичные, щекочущие нервы схватки на улицах, бегство от полиции. Нет, в те времена он еще не думал о социальном переустройстве общества. Мать писала ему: «Андреас, пора взяться за ум...» Он попробовал устроиться репортером в шпрингеровскую газету «Бильдцайтунг» — не получилось; пошел в строительные рабочие — не понравилось, бросил. Знакомство с Гудрун Энслин наполнило его жизнь новым содержанием.

Эта стройная светловолосая девушка, дочь священника, готовилась стать преподавательницей и проходила курс гуманитарных наук в западноберлинском Свободном университете. Гудрун рано почувствовала вкус к политике, на начальных семестрах помогала вести предвыборную кампанию социал-демократам. Потом разочаровалась в них: «Мы убедились в том, что руководители СДПГ сами являются пленниками этой системы». Она хорошо знала Руди Дучке и других студенческих вожаков, завоевавших известность среди молодежи в бурные 60-е годы. «Андреас, — говорила она, — ты впустую растрачиваешь свои силы, свой темперамент. Займись революцией, она несет людям раскрепощение и справедливую жизнь. Нас самих революция освободит от повседневной рутины, от власти вещей в проклятом обществе потребления, от иллюзий экономического благополучия. Мы обретем себя только в революции, в упоении боем!»

Еще дымились этажи франкфуртского универмага, а в гамбургском леворадикальном еженедельнике «Конкрет» Ульрике Майнхоф поместила восторженную статью. Она писала: «Прогрессивный момент поджога крупного магазина заключается не в уничтожении товаров, а в уголовном характере самого поступка, в нарушении закона». Это была последняя ее статья в «Конкрете», где Ульрике долгие годы сотрудничала в качестве автора политических колонок. Она приобрела популярность среди «сердитой молодежи» ФРГ благодаря своему острому, бескомпромиссному перу. Она бросила редакцию, своего мужа — главного редактора, дочерей-близнецов и прекрасную виллу, чтобы посвятить себя «герилье». Она не раз упрекала мужа в том, что призывы еженедельника «Конкрет» к революции сексуальной выдвигаются куда настойчивее, чем лозунги социальной революции.

За спиной Ульрике был солидный опыт политической работы. Она выросла в семье профессора Ренаты Римек, которая хорошо известна в Федеративной Республике своими прогрессивными, антифашистскими взглядами (Ульрике рано потеряла родителей, ее отец был директором художественного музея). Еще в студенческие годы она примкнула к молодежному движению, участвовала в так называемой «внепарламентской оппозиции» (АПО), которая выступала против чрезвычайного законодательства в ФРГ, против перевооружения бундесвера, против гонки ядерных вооружений, против шпрингеровской прессы, за мир во Вьетнаме. Однажды в Мюнстере Ульрике вывела на демонстрацию под этими лозунгами пять тысяч молодых людей. Она участвовала в западноберлинском молодежном конгрессе против атомной угрозы — его делегаты объявили войну «холодной войне» (злая ирония судьбы: спустя десяток лет Ульрике и ее товарищи объявили войну разрядке). Но ее прежняя борьба казалась ей неэффективной.

...Между тем Баадер и его друзья досрочно оказались на свободе. Их выпустили под обещание не покидать Франкфурта-на-Майне. В тот же день, однако, все четверо исчезли из поля зрения полиции. Баадер и Энслин с помощью единомышленников пробрались во Францию, в Париж. Их приютил у себя знаменитый теоретик и практик левого радикализма, участник партизанского движения в Боливии Режи Дебре. Ни полный разгром отряда, в котором он находился, ни трагическая гибель почти всех его товарищей (сам он был схвачен карателями и несколько лет провел в тюрьме в Ла-Пасе) не убедили Дебре в ошибочности его взглядов. Он с прежним пылом утверждал, что самым эффективным средством революционной пропаганды остается вооруженная борьба. Подобно Герберту Маркузе, он отстаивал концепцию, согласно которой рабочий класс в век научно-технической революции якобы утратил свою революционную роль, «интегрировался в капиталистическую систему».

Под чужими именами Баадер и Энслин из Парижа прибыли в Западный Берлин и встретились с молодым адвокатом Хорстом Малером, одним из бывших активистов «внепарламентской оппозиции», который был занят поисками оружия. В это время уже объявили розыск четырех беглецов.

Возле Малера давно терся провокатор — некто Урбах, один из многих, кого полиция заслала в ряды студенческого и молодежного движения. С помощью этого шпика полицейским удалось вновь схватить Баадера. Его поместили в тюрьму предварительного заключения Моабит. Но томиться за решеткой ему пришлось недолго, всего три недели.

Друзья Баадера тщательно разработали план его освобождения. Тюремное начальство разрешило заключенному встретиться в Центральном институте социальных вопросов с «фрау Вайтемаер», вместе с которой он якобы работал над книгой. Под этим именем скрывалась Ульрике Майнхоф. Баадера привезли в институт в сопровождении охраны. Там его ожидала «фрау Вайтемаер». К операции все было готово. Четверо вооруженных молодых людей ворвались в зал и открыли стрельбу. Внизу, у подъезда, стоял автомобиль с включенным мотором. Побег удался. В читальном зале остался лежать в луже крови случайно раненный 62-летний библиотекарь.

Машину беглецы бросили на окраине Западного Берлина. Агенты уголовного розыска обнаружили на заднем сиденье брошюру Карла Маркса. Буржуазная пресса немедленно подняла шум: «Марксисты совершили уголовное преступление...»

Подпольщики собрались на конспиративной квартире, чтобы обсудить программу деятельности, организационные вопросы, составить первый манифест. Кое-кто из «партизан» расценивал эпизод с престарелым библиотекарем как грубую ошибку. Баадер не соглашался. Через несколько дней в анархистском листке «883» появилось открытое письмо РАФ, дававшее «теоретическое обоснование» событиям в библиотечном зале. Теперь, говорилось в письме, наступает конец хозяйничанью «быков».

«Герильеро» начали вооружаться. Остро встал вопрос о кассе РАФ — в ней не осталось ни пфеннига. Решение созрело само собой. В один и тот же день вооруженные группы «партизан» «экспроприировали» в трех банках более 200 тысяч марок. Первый «революционный зачет» был сдан на «отлично». Профессиональные взломщики, должно быть, ахнули от зависти.

Первый серьезный удар настиг «герильеро» осенью 1970 года. По доносу осведомителя западноберлинская полиция совершила налет на конспиративную квартиру РАФ в районе Шёнеберг. Агенты ворвались в дом, где прятались Хорст Малер и еще четверо «герильеро». Малер, в лохматом парике и огромных темных очках, протянул удостоверение на чужое имя. Агент с наигранной церемонностью надел на него наручники. Малер презрительно усмехнулся: «Примите мои комплименты, господа». Организация лишилась одного из своих ведущих идеологов.

Подпольная группа распалась. Часть «партизан» во главе с Ульрике Майнхоф перебралась в Федеративную Республику. Баадер с товарищами остался в Западном Берлине — добывал оружие, чистые бланки документов, разрабатывал планы освобождения Малера (один из планов предусматривал использование мини-вертолета). Однако попытки вызволить Малера из-за решетки не удались. И тогда Баадер в сопровождении товарищей прибыл в ФРГ. С ними находилась 22-летняя секретарша фирмы «Телефункен» Ингеборг Барц.

«Партизаны» громили и поджигали магазины, взрывали автомашины на стоянках, грабили банки. При министерстве внутренних дел ФРГ была образована специальная «комиссия по делу Баадера — Майнхоф». Каждую неделю «дело БМ» обрастало новыми бумажными пластами полицейских доносов, свидетельских показаний. За тремя десятками «партизан» охотилось 150 тысяч полицейских. Агенты, переодетые официантами, служащими бензоколонок, барменами, отсчитывая марки, внимательно всматривались в лица клиентов. Буржуазная пресса ревела от возбуждения, одна волна травли накатывалась на другую, травили всех левых без разбора и особенно ожесточенно нападали на коммунистов. За этим скрывался прекрасно взвешенный расчет.

...Первое задание Ингеборг Барц получила несложное — составить план помещения филиала Баварского ипотечного и обменного банка в Кайзерслаутерне. Она приехала туда якобы затем, чтобы внести небольшое пожертвование в помощь сиротам. Спустя несколько дней четверо «партизан» в масках ворвались в банк и, угрожая служащим пистолетами, очистили сейфы. Один из «герильеро» страховал своих товарищей на улице. Перепуганный подпольщик нажал на спусковой крючок... Раненный в грудь полицейский дополз до входа в банк, надеясь найти там помощь. Но изнутри по нему открыли огонь. Итог этой «банковской операции» — «экспроприация» 135 тысяч марок плюс один убитый.

С этого момента травля подпольщиков перешла в новую стадию. Газеты Шпрингера, желтые издания приписывали группе Баадера — Майнхоф даже то, чего она не совершала. В газетах «Вельт», «Бильд», «Националь-цайтунг», «Вельт ам зонтаг» и других мелькали зловещие заголовки: «РАФ продолжает убивать», «Кто будет следующим?», «Гибель полицейского — дело рук анархистов». Какой-то неофашистский листок назвал Баадера и его группу «коммунистическими преступниками».

Именно в это время в Федеративной Республике усилились нападки реакционеров на Германскую коммунистическую партию. Правые, рискуя сорвать голос, требовали ее запрета. Повод как будто был удобный. Буржуазные пропагандисты умышленно не хотели замечать того, что коммунисты ФРГ и Западного Берлина не имеют ничего общего с анархистским подпольем и, более того, считают избранный группой Баадера путь неверным и вредным для революционного движения в целом. Ожесточилась травля прогрессивных молодежных организаций. Реакция «проглядела» заявление марксистского студенческого союза «Спартак», в котором говорилось, что в борьбе за социализм и социальный прогресс методы РАФ никуда не годятся. В боннском бундестаге тем временем приступили к обсуждению специального законопроекта о политической благонадежности государственных служащих, по которому лишается места любой, кто придерживается левых взглядов. Газеты начали сообщать об увольнениях: первыми жертвами, разумеется, стали коммунисты.

Загнанная в глубокое подполье РАФ выпустила наспех составленный манифест с призывом к населению начинать «народную войну». Буржуазные газеты опубликовали его слово в слово — уже было ясно, что горстка анархистов не представляет ни малейшей угрозы существующему порядку.

По всей Федеративной Республике шли облавы (власти лицемерно называли РАФ «врагом общества номер один»). Испытывались новые приемы борьбы с «подрывной деятельностью», новая полицейская техника. Проверялись в самых натуральных условиях, на людях. Важным при этом было не столько стремление покончить с РАФ (порой как раз казалось, что с этим не торопятся), сколько припугнуть бундесбюргера: вот, мол, как поступит система с тем, кто на нее замахнется.

В эти дни радиостанции, прервав обычные передачи, сообщили о гибели в Гамбурге 20-летней «партизанки» Петры Шельм. Она убегала от полицейских, отстреливалась. Пуля пробила ей голову. Незадолго до своей смерти Петра, воспламененная революционными призывами РАФ, бросила учебу.

В Западном Берлине в завязавшейся перестрелке при попытке ограбить банк погиб 24-летний Георг Раух, сын профессора. Спустя несколько месяцев там же расстался с жизнью в возрасте 23 лет Томас Вайсбеккер. Полицейские получили приказ стрелять без промедления в «лиц, имеющих при себе огнестрельное оружие и угрожающих им». Специальные инструкторы-киллеры тренировали агентов в доли секунды выхватывать пистолет и делать выстрел. Рос счет убитых. Росло ожесточение.

Подпольщики собрались на конспиративной квартире в Людвигсхафене. Окна завесили плотными шторами. Настроение у всех было подавленное. Баадер нервно прохаживался взад и вперед, с трудом скрывал свою взвинченность. Ингеборг Барц включила телевизор. По второй программе показывали стрельбу по испанским голубям. На чистой лужайке егерь в элегантном белом костюме, в тирольской шляпе с пером доставал из садка голубя и величественным жестом подбрасывал его в небо. Охотник вскидывал ружье и стрелял. Птица, вздрогнув, кувырком падала в траву.

Ингеборг усмехнулась:

— Мы похожи на этих голубей.

Андреас Баадер вспыхнул:

— Заткнись!

Ингеборг медленно повернулась к нему:

— Так и есть. А ты сам не видишь? Мы стреляем, грабим, взрываем, шумим, а в сущности, мы беспомощны. Сами ждем выстрела, как эти голуби. Скажи, где революция, за которую мы сражались, где те тысячи сторонников? Ничего и в помине нет. Против кого мы воюем? Против капиталистов? Ерунда. Мы воюем против полицейских сержантов и случайных прохожих, против витрин. Нужно кончать, пока не поздно.

— Сдаться полиции?

— Не обязательно. Просто перестать.

Когда Ингеборг ушла, осторожно прикрыв за собой дверь, в комнате воцарилась тишина. Ее нарушил Баадер:

— Необходимо что-то предпринять. Боюсь, она наделает глупостей.

Ульрике Майнхоф выбила из трубки пепел, покачала головой:

— Оставь ее. Уверена, она одумается.

Баадер извлек из заднего кармана джинсов потрепанную брошюру Карлоса Маригелы «Мини-справочник по герилье», долго ее листал. Маригела — бразильский «городской партизан», расстрелянный карателями несколько лет назад, — был его кумиром.

— Вот слушайте. «Городская герилья постоянно рискует быть раскрытой или выданной. Осведомитель, обнаруженный в организации, должен быть лишен жизни. Так же поступают с теми, кто дезертировал или обратился в полицию».

Баадер резким движением захлопнул справочник...

Ингеборг позвонила матери в Западный Берлин. Голос у нее был усталым:

— Мама, я хочу вернуться домой. С этими здесь все кончено.

Вскоре ее вызвали, встречу назначили в пригороде. Стоял серый февральский день. Ингеборг приехала на пустынный берег Рейна. Ядовитый, грязно-желтый снег едва прикрывал сплющенные металлические бочки, обломки досок, обрывки корабельных тросов. Вороны склевывали дохлую собаку. Издалека долетал слабый перезвон колоколов. Ингеборг подумала: «Как из старой музыкальной шкатулки. — Услыхала шаги. — Кажется, идут. Сейчас я скажу им свое последнее слово».

...Ее нашли спустя несколько недель там же, на рейнском берегу. Экспертиза установила, что смерть наступила от удара по голове тяжелым предметом. Когда об этом сообщили ее жениху, арестованному подпольщику Грундману, он крикнул тюремщикам:

— Вы лжете! Наши на это не способны. Вы хотите сломить меня морально. Я вам не верю!

Мать Ингеборг остолбенела — лицо ее перекосилось, как от боли (фоторепортерам был нужен именно этот момент), она долго не могла заплакать.

«Партизанам» РАФ становилось все труднее прятаться от полиции. Их портреты, размноженные буржуазными газетами и журналами миллионными тиражами, знал каждый житель Федеративной Республики. За выдачу членов РАФ была обещана соблазнительная сумма. Как уйти от погони, где переночевать сегодня, где достать еду? — вот чем постоянно были заняты головы подпольщиков. Затравленные, они временами совсем теряли интерес к «революционной гимнастике», к политике.

Первыми из руководителей Роте армее фракцион франкфуртская полиция арестовала Баадера, Распе и Хольгера Майнса (спустя несколько месяцев он умер в тюрьме от голодовки, протестуя против бесчеловечного обращения с заключенными). Кто-то донес, что «городские партизаны» укрылись в гараже. В указанное место помчались, сигналя сиренами и синими мигалками, полицейские машины. Двести агентов в пуленепробиваемых жилетах и масках окружили гараж. Включенный на полную мощность громкоговоритель ревел на всю округу: «Сдавайтесь! Ваши шансы равны нулю!» На другое утро в прессе появился снимок: агенты за руки и за ноги несут раненого Андреаса Баадера, его лицо искажено от страдания и отчаяния.

Ганноверская полиция напала на след Ульрике Майнхоф. Неизвестный позвонил в комиссариат и сообщил, что она с телохранителями прячется на окраине города. Ульрике яростно сопротивлялась, отстреливалась, но силы были слишком неравными. Затем наступила очередь Гудрун Энслин. «Твердое ядро» РАФ удалось расщепить», — иронизировали газеты. На свободе осталась крохотная группа подпольщиков. Последняя громкая акция анархистов — налет на посольство ФРГ в Стокгольме. Они убили военного атташе, захватили заложников и потребовали выпустить на свободу бывших руководителей Роте армее фракцион. Западногерманские власти ответили категорическим отказом. Террористов задержала полиция.

...Суд идет. В зал вводят четверых подпольщиков в наручниках. Они сильно внешне изменились, как будто постарели лет на десять, не меньше. В глазах ожесточение и усталость. Журналисты в зале отмечают, что держатся бывшие руководители РАФ стойко, свои ответы на вопросы судей строят в форме политических заявлений. Правда, публики в зале с каждым заседанием становится все меньше: сенсаций не ожидается. Юристы считают, что дело Баадера — Майнхоф будет завершено где-то к началу будущей весны.

МОЛОДЫЕ БУНТАРИ: ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ?

Николас БАГНАЛЛ,
Эвелин КОКС,
английские журналисты

Итак, часть когда-то активных сторонников «нового левого» движения переключилась на социальные утопии, богоискательство, наконец, даже вооруженный террор — молодежный протест (или отчаяние) проявляется в самых разных формах. И конечно, не только в таких крайних. Об этом свидетельствует публикуемая статья, авторы которой сделали попытку разобраться в настроениях бывших «бунтарей», ныне же работающих клерками, преподавателями, менеджерами и т. д. внутри той системы, против которой они выступали открыто, будучи студентами и учениками. На примерах из английской действительности авторы рисуют сложную, порой противоречивую картину брожения умов в среде бывших леворадикалов — растерянность одних, в частности троцкистов, отступничество других, попытки третьих приспособиться к новым условиям, переосмыслить свою роль и бороться за прежнюю цель — свержение эксплуататорского строя — иными методами. Чувствуется, что авторские симпатии определяются мировоззрением «новых левых», но это обстоятельство не лишает их анализ интереса. Старание авторов добросовестно констатировать факты заставляет их признать последовательность и целеустремленность «старых» левых, то есть марксистов, которые, сознавая правоту своих классовых позиций, не сбились со своего курса во время бурных молодежных волнений конца 60-х годов и сейчас продолжают действовать столь же четко, спокойно и уверенно.

Лет пять назад появилось — и сейчас еще в ходу — довольно удобное объяснение студенческим волнениям: это, мол, своего рода самоизлечивающийся недуг наподобие непонятных кожных заболеваний — протянется сколько ему положено и исчезнет сам собой. Так рассуждали в первую очередь пожилые люди. Но не только. Этот довод отстаивали и некоторые достаточно серьезные специалисты.

Что же происходит с бывшими студентами-радикалами? Где они сейчас? Мы собрали имена 65 активных участников студенческих волнений в Англии в 1967 и 1968 годах и попробовали выяснить, чем они занимались с тех пор. В свой список мы включили тех, кто подписал два манифеста (один от Радикального союза студентов, РСС, другой от Революционной социалистической федерации студентов, РСФС) [1], плюс тех, кого мы сами знали, а те назвали еще несколько фамилий. В 25 случаях нам ничего выяснить не удалось. Остальные 40 человек заняты вот чем:

преподаватели в вузах — 13 человек, преподаватели в средних школах — 4, научные работники — 2, по-прежнему студенты — 4, менеджер — 1, рабочие — 2, работники профсоюзов — 3, журналисты — 5, в «альтернативном обществе» (коммунах) — 5, самоубийца — 1.

На первый взгляд налицо явная неохота расстаться с привычной средой — университетской системой. В ней остаются в той или иной форме 26 из 40 человек. Студенты-радикалы в 1968 году называли университеты «капиталистическими ценностями в особенно изощренном виде», а самих себя — потенциальными рабами экономической системы. Статус студента давал им возможность бороться открыто против хотя бы одного аспекта этой системы — подчинения университетов интересам истэблишмента, то есть правящих кругов общества. Можно в качестве примера вспомнить манифест «По пути к революционному студенческому движению», опубликованный в июне 1968 года к открытию конференции, учредившей Революционную социалистическую федерацию студентов. Необходима, заявлялось в манифесте, «решительная борьба против власти британского правящего класса над университетами и колледжами и против авторитарной системы, с помощью которой поддерживается эта власть».

Но было бы неверно сосредоточивать внимание только на этом аспекте студенческого движения. Оно не рассматривало демократизацию университетов как свою основную задачу. Тем более что порой эта демократизация понималась весьма своеобразно. В 1968 и 1969 годах встречались студенты, для которых главным удовольствием было устроить набег на шкафы с личными делами или похрапеть на ковре вице-президента университета, а больше они ничего и знать не хотели. Но не они были серьезными радикалами и не они были руководителями.

Многие лидеры старались использовать студенческое недовольство для того, чтобы привлечь новых сторонников к своим более широким политическим лозунгам. Так, в уже упомянутом манифесте говорилось: «Требование о передаче власти студентам сохранит свое революционное содержание лишь в том случае, если студенты отвергнут точку зрения на систему высшего образования как на самоизолированный мир в себе. Борющиеся студенты должны стремиться к союзу с другими потенциально революционными силами общества в целом». (Как на важное звено указывалось на молодых рабочих, обучающихся на различных курсах с частичным отрывом от производства.)

Короче говоря, эти студенты считали себя частью «пролетарского», или рабочего, движения.

Вернемся к вопросу о том, почему же так много экс-радикалов остается в сфере просвещения? Дигби Джек, бывший президент Национального союза студентов Великобритании (одной из крупнейших студенческих организаций Англии. — **Ред.**), говорил: «Тезис о том, что экс-радикалы остаются в сфере просвещения, чтобы держать под прицелом эту «башню из слоновой кости», — полная чушь. Дело не в том, заслуживает или не заслуживает внимания эта «башня» как объект штурма. Просто главного врага надо искать не в ней. Поэтому абсурдно воображать, что, поступая (впервые или повторно) в обра-

[1] *РСС и РСФС — леворадикальные организации, возникшие в период бурных выступлений студенчества. РСФС к настоящему времени распалась. —* **Ред.**

зовательное учреждение, ты начинаешь подрывную работу».

Точку зрения тех, кто продолжает работать в системе просвещения, изложила в разговоре с нами одна девушка, состоявшая раньше в РСФС, а сейчас читающая лекции в техническом колледже: «Мысль о подрывной работе никогда не пришла бы мне в голову. Но я остаюсь при прежних убеждениях, и, если произойдет революция (а она произойдет, как я понимаю, не завтра и не послезавтра), я знаю, по какую сторону баррикады мне встать. Большинство же моих студентов по своему мировоззрению — самодовольные мелкобуржуазные клерки и администраторы. Вот бы мне удалось сделать их хоть чуточку чувствительнее, чуточку отзывчивее... Одного от меня никогда не дождутся — я не запродамся капиталистической системе».

Один из примечательных моментов нашего списка из 40 человек в том и состоит, что среди них так мало «запродавшихся», если не считать «самопродажей» работу в сфере просвещения. Выбор падает на преподавание скорее по негативным, чем позитивным причинам. Эта работа требует меньше «компромиссов с капитализмом»: одеваться можно как хочешь; зарплата, притом более-менее приличная, имеет не рыночное происхождение; времени для политической деятельности больше, чем у людей других профессий.

В манчестерской школе бизнеса мы встретились с Эдом Строу, который в 1970 году, будучи президентом Манчестерского студенческого союза, активно организовывал сидячую демонстрацию под лозунгом «свободы слова». Теперь он осваивает науку управления производством. По его мнению, это еще вопрос, кто больше «запродался» — он или те, кто преподает. «И за профессорской кафедрой, и в промышленности, — говорит Эд, — действуют факторы, заставляющие держать рот закрытым: угроза потерять работу, семейные обстоятельства, дети. Приходится действовать осторожнее. А о настоящей подрывной деятельности и говорить нечего. Попытаешься заняться такой работой, тебя живо схватят.

В обоих случаях — и как преподаватель и как менеджер, — продолжает он, — человек, хочет он того или нет, действует как часть капиталистической системы. Пытаться остаться чистеньким и нападать на общество «извне» — неосуществимая галиматья. Но и в том и в другом случае возможность для пропаганды радикальных воззрений все же есть. Те же, кто пробует заниматься «подрывной работой» в открытую, с кафедры, — повторяет Эд, — рискуют просто лишиться места».

Примерно так же рассуждает и другой наш собеседник — Гэрри Лейси, основатель Радикального союза студентов. Сейчас он читает лекции в Манчестерском университете. «Если хочешь преподавать, не отказываясь при этом от левых взглядов, надо только действовать поумнее, чтобы удержаться на кафедре, — сказал он. — Придется просто внести кое-какие изменения в курс лекций. Я лично так и сделал». Он, как и в 1967 году, по-прежнему считает, что столкновение с университетскими властями не может быть самоцелью студенческого движения. И он не отрекся от убеждения, что борьбу против капитализма студенты должны вести в союзе с рабочими.

Разумеется, настоящий марксист всегда видит перед собой эту цель. Разногласия по поводу того, как ее достигнуть, были лишь одной из причин затухания студенческого движения конца 60-х годов. Вице-президенты университетов, над которыми все смеялись из-за их нерешительности и колебаний перед лицом студенческого штурма, с той поры очень поумнели. Они укрылись за бруствер из различных студенческих комитетов и стали выжидать, когда радикалы выкинут какой-нибудь номер и сами отпугнут от себя основную массу студентов.

Можно понять, почему «новые левые» должны были выдохнуться. В 1968 году многие студенты верили, что вступают в новую эру. Волнения во Франции, движение «Черной власти» в Соединенных Штатах, демонстрации против войны во Вьетнаме и Анголе, всеобщий рост интереса к национально-освободительной борьбе... Преданные радикалы работали изо всех сил. Они читали, встречались, дискутировали, по субботам и воскресеньям университеты обменивались делегациями. Отдельные лондонские кафе были забиты студентами из Халла, Манчестера и Эссекса. Никому из них и не думалось тогда, что этому возбуждению придет однажды конец. «Повсюду, — говорилось в манифесте РСФС, — студенты на марше. Они проявляют себя как революционная сила... События во Франции показали, что революция сегодня уже не утопия».

Несколько лет спустя, когда университет уже за плечами, «старые» левые (авторы имеют в виду марксистов. — **Ред.**) с большей легкостью приспосабливаются к обстановке, чем «новые». «Старые» левые никогда не утверждали, что пролетарская революция вот-вот разразится, и не удивились тому, что рабочие не признали «революционных» студентов членами своего братства. Для них не было ничего неожиданного в том, что в 1970 году комитет конгресса тред-юнионов отклонил просьбу представителей Национального союза студентов присутствовать на конгрессе. Студентам ответили, что они не рабочие и потому не могут участвовать в заседаниях конгресса.

Молодые коммунисты, которые в свое время, будучи студентами, содействовали утверждению левых в руководстве Национального союза студентов, теперь могут спокойно работать над установлением «практических связей с общим движением рабочего класса», как сказал один из них, ныне преподаватель в техническом вузе.

Для троцкистов же из «новых левых» приспособление к миру вне университетских стен оказалось явно более затруднительным. Они не верили в эффективность работы внутри существующих демократических институтов. Им не терпелось подтолкнуть революцию, и в обстановке 1968 года казалось, что их нетерпеливость может дать плоды. Тогда «немедленная конфронтация» представлялась кое-кому оправданным лозунгом. Но одно дело — вступать в столкновение с властями, если ты студент, и совсем другое — если ты уже преподаватель, то есть человек, который сам работает на ненавистную систему. Результатом будет увольнение. И вот некоторые из бывших бунтарей низводят свою прежнюю, самсоновой трудности, задачу свержения академической иерархии до уровня борьбы за право учащихся отращивать волосы угодной им длины. Одна из самых интересных фигур среди радикалов конца 60-х годов — Дик Аткинсон, который в течение двух лет преподавал в Бирмингемском университете. Его увольнение в 1970 году университетским комитетом по назначениям на академические должности подняло бурю среди левых преподавателей. За два года до этого он участвовал в организации сидячей забастовки в Бирмингеме. В лондонской Школе экономики Аткинсон демонстративно вышел из комитета для переговоров между студентами и преподавательским составом. Теперь он решил вовсе покинуть кампус, считая, что вне университетских стен ему будет сподручнее вести борьбу за свои политические цели.

Аткинсон настаивает, что настоящий революционер не должен оставаться внутри системы: он либо должен уйти, либо неизбежно станет сползать вправо. Внутри системы он будет только реформистом, а «реформизм только осложняет борьбу за действительные перемены». Аткинсон отвергает марксистский взгляд на пролетариат как на движущую силу преобразования общества. По его мнению, идея борьбы между трудом и капиталом и вытекающая отсюда задача для революционеров — радикализировать трудящихся — устарели, так как мы имеем дело уже не с простым капиталистическим обществом. Налицо чрезвычайно сложное индустриально-технологическое общество, сплачиваемое и контролируемое государственной бюрократией, составной частью которой якобы является и сам рабочий класс. Можно сколько угодно пытаться демократизировать университеты, говорит Аткинсон, но это означает лишь содействовать лучшему функционированию, даже повышению эффективности все той же бюрократической машины.

Таким образом, философия, которую можно назвать новой «новой левой», занята поиском альтернативной общественной силы, способной произвести «великую перемену». И только «великую», не меньше! Строить новое общество, одновременно существуя в старом, говорят новые «новые левые», можно, работая в «антиуниверситетах», «свободной школе», в женских организациях, движении «Черная власть» и так далее.

Если о «молодежной революции» 1968 года можно сказать, что она не состоялась, то влияние революционеров того года по-прежнему ощущается. Знаменательно, что манифест Радикального союза студентов, звучавший в 1967 году для многих как опасный документ, читается сейчас как ничем не примечательный текст. Если бы его предложили сейчас в качестве резолюции на конференции Национального союза студентов, она отвергла бы его как слишком умеренный.

Гэрри Лейси, живущий с женой и маленьким ребенком в пригороде Манчестера, говорит: «Демонстрации и сидячие забастовки стали почти неотъемлемой частью жизни англичан после 1967 года». По его мнению, вместо того, чтобы делать упор на неудачи бывших радикалов, стоит обратить большее внимание на менее заметные, малоизвестные сдвиги и удачи левого движения. «Новое поколение преподавателей, — говорит он, — постепенно приходит на смену старому и приносит с собой изменения в курсы лекций».

...Если вернуться к метафоре, с которой мы начали эту статью, то рассматриваемая нами «инфекция» больше, чем просто кожная болезнь. Она может еще находиться в инкубационном периоде, но можно не сомневаться, что она уже вошла в плоть и кровь.

Перевел с английского С. ДАНИЛОВ

Материалы подборки под общей редакцией сотрудника Института философии АН СССР А. Мельвиля.

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление А. В. Громова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/VIII 1975 г. Подп. к печ. 23/IX 1975 г. А11678. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1424.

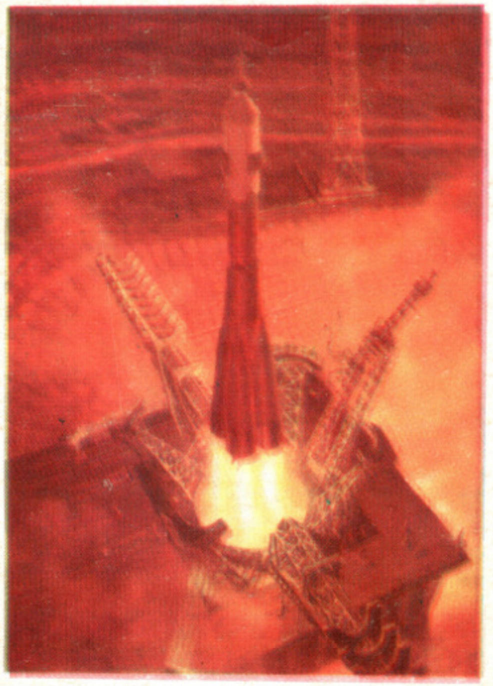
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 20 коп.

10 - 19

Алексей Леонов. «Стыковка «Союз» — «Аполлон».

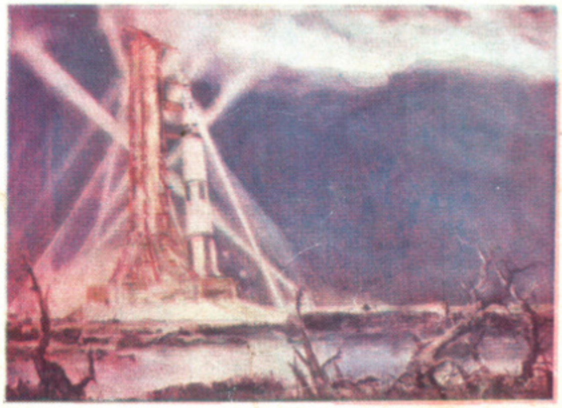

Андрей Соколов. «Ночной старт».

Несбит Лоуэлл. «Бухта».

Генри С. Питс. «Последняя проверка».

В дни совместного полета космических кораблей «Союз» и «Аполлон» в июле этого года в Москве открылась выставка произведений советских и американских художников. Экспозиция картин была организована Союзом художников СССР и Национальным музеем завоевания космоса США. Зрители увидели более ста работ, посвященных космической теме. Среди них были восемь картин космонавта Алексея Леонова.

Мы предлагаем вниманию наших читателей несколько произведений с выставки.